Вишня во льду

Автор:
Людмила Мартова

Вишня во льду

Людмила Мартова

Желание женщины

В картинной галерее ЧП – из запасников исчез этюд Куинджи! Прежде чем поднимать шум, сотрудница музея попросила своего старого знакомого, полковника Виктора Дорошина, попробовать разобраться с этой проблемой в частном порядке. Поначалу дело не показалось ему сложным. К тому же Виктора ждал приятный бонус – знакомство с очаровательным искусствоведом Ксенией. Девушка старалась помочь и снабжала Виктора необходимой в расследовании информацией о сослуживцах и внутренних делах галереи. В этом храме культуры царили совсем не высокие отношения! И простота задачи оказалась обманчивой – выяснилось, что из запасников пропал не только Куинджи. А потом одного из сотрудников галереи обнаружили убитым! И отношения с Ксюшей вдруг приняли странный оборот…

Людмила Мартова

Вишня во льду

© Мартова Л., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

И поныне каждую ночь светит сверкающий глаз ночи.

Селена ведет за собой звезды, расстилая небесную карту, освещая путникам и морякам путь к дому в память о вечной любви…

Сказка о Луне

Все события вымышлены.

Возможные совпадения случайны.

Девушка была чудо как хороша. Тоненькая, изящная, но при этом оч-ч-чень рельефная в тех местах, которые привычно притягивали к себе мужской взгляд Дорошина. Ну нравились ему фигуристые девушки, что ж поделать?!

Он никогда не отказывал себе в удовольствии проводить глазами попавшуюся навстречу нимфу с плавно покачивающимися бедрами, тонкой талией и упругой грудью. Чего уж тут скрывать, жена ушла от него именно из-за этой его страсти. То обстоятельство, что за все годы совместной жизни он ни разу ей не изменил, разгоряченным ревностью мозгом во внимание не принималось.

Измену Дорошин считал подлостью и пошлостью. А получение удовольствия от созерцания прекрасных женских тел, тем более прикрытых одеждой, – вполне невинным занятием, не нарушающим ничьих интересов. Вот только жена считала иначе. Да и бог с ней.

Ушла она еще весной, а официально они развелись всего две недели назад, и в общем-то уже привыкший к холостяцкой жизни и смирившийся с неизбежностью расставания Дорошин снова маялся от того, что приговор оказался окончательным и не подлежал обжалованию.

Трагедии, конечно, никакой не случилось. Сын вырос. Обязательства выполнены. Пути-дороги разошлись в разные стороны. Даже жилищный вопрос ничего не портил. Четырехкомнатную квартиру, когда-то полученную путем обмена из двух родительских, теперь поделили обратно. Хорошая просторная двушка в новом доме, расположенном в спальном районе, досталась в безраздельное

пользование сыну. В однокомнатной «сталинке» в самом центре обитала жена, теперь уже бывшая. А Дорошин переехал во внезапно доставшуюся ему от дяди двухэтажную домину на самом берегу реки, расположившуюся практически напротив городского кремля.

Домина была деревянной, отапливалась русской печью и требовала серьезного ремонта, но Дорошина полностью устраивала. Руки у него росли из нужного места, свободного времени по выходным теперь было хоть отбавляй, поэтому года за два-три он собирался самостоятельно перестроить дом, вырыть скважину, установить газовый котел, – в общем, сделать жилище комфортным для проживания современного человека. А пока Дорошину и так было хорошо, тем более что на неделе он приходил домой только ночевать.

Главным достоинством дома, несомненно, была стоящая отдельно баня. Размер шесть на три включал в себя прекрасно обставленную комнату отдыха, парную с финской печью и с любовью установленными полками, а также душевую со столитровым электронагревателем. Воду в него приходилось накачивать насосом из колодца, но Дорошина это не останавливало, и в душ он ходил, как привык, два раза в день, утром и вечером, не жалея дров на ежедневную растопку печи.

Умерший брат отца был знатным парильщиком, и при его жизни Дорошин нет-нет да и заезжал по субботам к дядьке, чтобы быть от души и со знанием дела отхоженным хлестким веником. Дядька никогда не был женат, жил бобылем, детей не имел, и, хотя настоящей родственной близости между ними не было, когда он умер, Дорошин с изумлением узнал, что дом переписан на него.

Это, несмотря на странность ситуации, оказалось весьма кстати, позволив Дорошину сохранить при разводе остатки самоуважения. В сорок четыре года жизнь начиналась заново. Заниматься устройством этой самой жизни было лениво, но организм настойчиво требовал своего, сигнализируя, что более чем полугодовое воздержание совсем не полезно мужчине в полном расцвете сил.

К случайным связям Дорошин относился с брезгливостью, а на серьезные отношения катастрофически не хватало времени. На неделе он работал, в выходные ремонтировал дом. По ночам ему снились эротические сны, столь же реальные, сколь и развратные. Он просыпался, дрожа от нестерпимого желания, ворочался, пытаясь уснуть, чертыхался и, испытывая отвращение сам к себе, вспоминал юность, усмиряя взбесившуюся плоть. Нет, ему совершенно точно

нужна была женщина.

Стоящая на подоконнике девушка вешала штору. Она обернулась на его шаги; бившее через оконное стекло солнце заливало ее рассеянным, словно приглушенным светом, в котором она выглядела хрупкой, юной, совершенно беззащитной. Дорошин оценил мягкие изгибы ее тела, совершенство фигуры, нежность тонкого, словно сделанного из дорогого фарфора личика, тяжесть толстой белокурой косы, небрежно перекинутой через плечо, и тут же поспешил навстречу, чтобы подхватить огромный гобеленовый лоскут, который она держала в руках.

– Давайте я вам помогу.

– Ой, спасибо. – Девушка обрадовалась предложению так явно, что он невольно улыбнулся. Свет теперь лился из ее глаз, огромных, фиолетово-желтых глаз, обрамленных черными ресницами, невыразимо длинными и пушистыми, как у куклы. Дорошин даже не представлял, что у живых людей могут быть такие ресницы. – Я с этими шторами умучилась вся. Такие тяжеленные, сил нет. С одним окном уже справилась, вот со вторым бьюсь, и еще два впереди. Представляете?

Дорошин представлял. Помочь этому сказочно прекрасному созданию было его мужской обязанностью. И, принимая тяжелый гобелен, он сразу забыл, зачем вообще в разгар дня явился в областную картинную галерею. Не на экскурсию же, на самом-то деле.

– Как вас зовут? – будто невзначай спросил он у девушки, чьи руки легко порхали над тканью, продевая толстые крючки в петли, прорезанные в шторной ленте. Дорошин никак не мог разглядеть, есть ли у нее обручальное кольцо.

– Ксюша. Ой, извините. Ксения Александровна Стеклова. Младший научный сотрудник. Искусствовед. А вы к нам по делу?

– Почему сразу по делу. Может быть, я посетитель. Пришел с новой экспозицией ознакомиться. – Он привычно ушел от ответа, потому что сам не знал, есть ли у него здесь дело, или все, что от него требуется, это выслушать порцию старческих бредней.

– Нет-нет. – Ксюша звонко рассмеялась, и ее смех, словно звон колокольчика, рассыпался по просторной прохладной старинной зале. – Открытие новой экспозиции у нас только завтра. Сегодня музей закрыт для посетителей. Вы же видите, мы готовимся. – В подтверждение своих слов она чуть потянула штору из его пальцев. – Но вас пустили, значит, вы по делу, причем по важному.

– Мне нужно повидать Марию Викентьевну, – признался Дорошин. – Она попросила меня зайти.

Мария Викентьевна Склонская была единственной любовью его умершего дяди. Тот не называл ее иначе как Машенька и сумел пронести свое чувство через всю жизнь, не расплескав ни капли.

Дядюшка рассказал ему о ней совершенно случайно, когда размякший после хорошей парилки Дорошин, уже переживающий разлад с женой, но еще до конца не отлученный от семьи, спросил, почему брат отца никогда не был женат.

– Не нашли ту, единственную? – спросил он, в общем-то не ожидая услышать правдивого ответа.

– Почему же, нашел. – Дядька пожевал тонкими старческими губами. – Только поздно нашел. Помнишь, как у Пушкина? «Но я другому отдана и буду век ему верна…» Как раз наш с Машенькой случай.

– Она была замужем?

– Она собиралась замуж. Причем за моего учителя, человека, которого я безмерно уважал. Профессора Ивана Александровича Склонского. Он был старше ее. То чувство, которое она к нему испытывала… Нет, это была не любовь, конечно нет. Но уважение, огромное уважение, практически преклонение. Их брак был одобрен отцом Машеньки, которого она боготворила и ослушаться не могла. И хотя тоже полюбила меня всем сердцем, но все-таки вышла замуж за Склонского. И была рядом с ним сорок с лишним лет.

– И из-за этого вы так и не женились? – Дорошин не верил собственным ушам.

– Представь себе, да. Не мог представить рядом с собой ни одной другой женщины. Первые годы мучился и страдал ужасно. А потом… Склонский был нездоровым человеком, больное сердце, одышка… Ему были противопоказаны любые физические нагрузки. А Машенька, родив дочь, превратилась в цветущую молодую женщину… В общем, ты меня понимаешь. Все эти годы она была моей. Минуты близости у нас случались нечасто, у нее была работа, муж, дочь… Она не могла позволить себе украсть у них то время, которое по праву принадлежало им. Но иногда случались свободные минуты, и тогда она бежала ко мне. Вот в этот дом. И за эти минуты я был готов пожертвовать возможностью иметь собственную семью. Она жила в обмане и страшно мучилась от этого. Я не мог заставить ее страдать еще и из-за того, что она вынуждена воровать меня у какой-то другой женщины. Она бы этого просто не вынесла.

Профессор Склонский был известным в их городе литературоведом, дядя Дорошина, Николай Николаевич, – учителем русского языка и литературы. А Машенька, Мария Викентьевна, – искусствоведом. Работала она в областной картинной галерее с молодых своих лет, специализируясь на иконах и храмовой живописи.

– А когда Склонский умер, почему вы не поженились? – спросил Дорошин, чувствуя невольный трепет от силы чувств, которые довелось испытать его дяде. Нет, сам он не был способен ни на что подобное.

– Так жизнь прошла. Устоялась. И не нужно в ней уже было ничего менять. Зачем? Детей и внуков смешить? Да и вообще. Машенька много лет прожила со старым, немощным, тяжелобольным человеком. Я уже тоже не молод. Она заслуживает спокойной старости без необходимости хоронить еще одного мужа.

– Чего ж ты себя хоронишь? – возмутился тогда Дорошин. – Тебе ж семьдесят пять всего. И ты ж ни разу в жизни даже насморком не болел.

Дядька тогда не ответил, лишь криво усмехнулся, а спустя два месяца его не стало. Скончался он в одночасье от обширного инфаркта, и Мария Викентьевна Склонская была единственным близким человеком, кроме самого Дорошина, который пришел проводить его в последний путь. Дядька жил отшельником, друзей у него не было, другой родни тоже.

Признаться, Мария Викентьевна поразила Дорошина своей необычной внешностью. Немолодая уже женщина, да что там, почти старуха, она сохранила гордую стать, прямую спину, тонкую талию и ясный взгляд. Одетая во все черное, она держалась с тем врожденным изяществом, которое невозможно воспитать, с ним нужно только родиться.

Тяжелый узел серебристых волос на затылке, серебряные перстни на длинных тонких пальцах, не изуродованных старческим артритом, тихо звякающие на узких запястьях браслеты… Она была красива даже в свои семьдесят лет, и Дорошин тогда понял, почему дядька так «залип» на этой женщине. Было от чего «залипнуть».

Он тогда зачем-то дал ей свой номер телефона, чтобы позвонила, если ей вдруг будет что-нибудь нужно. Он оценил, что горе ее не наигранно. Она действительно скорбела по его дяде, человеку, которого любила много лет и с которым познала пусть запретное, но все-таки счастье.

И вот вчера она позвонила и попросила его прийти в галерею. Голос ее звучал взволнованно. Она тяжело дышала в трубку.

– Виктор, голубчик. Извините, что отвлекаю вас. Я знаю, насколько вы заняты, и никогда не посмела бы оторвать вас от дел, если бы не обстоятельства чрезвычайной важности. Видите ли, мне Николенька рассказывал, чем вы занимаетесь, и мне кажется, что у нас в галерее произошло событие как раз из разряда ваших компетенций. Я была бы вам крайне признательна, если бы вы пришли и выслушали меня. Поверьте, если мои подозрения не беспочвенны, то это ужасно. Просто ужасно.

Дорошин пообещал, что придет, хотя особого интереса не испытывал. Мало ли что там старухе почудилось. Его профессия вызывала неизменный интерес у всех, кто о ней узнавал, – начальник областного отдела УМВД по розыску пропавшего антиквариата и предметов искусства. Есть от чего впасть в ажиотаж и решить поиграть в детектива. Скучно, поди, Склонской, вот и выдумала удачный повод, чтобы повспоминать своего умершего любовника с его племянником.

Впрочем, глядя в фиалковые глаза Ксюши, Ксении Александровны Стекловой, он сейчас совершенно не жалел, что решил исполнить старушечью прихоть. Все-

таки девушка была чудо как хороша, и романтически настроенный Дорошин даже представил на миг, что между ними вспыхнет такая же сильная страсть, как между его дядей и Машенькой. А что, эта чудесная молодая женщина – тоже искусствовед, а он, Виктор, в конце концов, дядин родственник, и вдруг по наследству ему передалась не только деревянная домина на берегу реки, но и способность любить горячо и пылко.

Оказывается, все это время Ксения ему что-то говорила. Он смутился, поняв, что, погрузившись в мечтания, все прослушал, и уставился на нее виновато.

– Я спросила, давно ли вы знакомы с Виконтессой. Ой, извините, – девушка чуть смутилась, – это мы Марию Викентьевну за глаза между собой так называем. Помните, у Рыбакова в «Бронзовой птице» была Графиня, такая вся страшная, неприступная, гордая… Склонская очень на нее похожа. Все гоняет нас, молодежь. Вот мы ее и прозвали Виконтессой. По аналогии.

Дорошин вспомнил худощавую фигуру, горестно склонившуюся над гробом дяди. Нет, пожалуй, он не назвал бы Склонскую ни жесткой, ни страшной, ни неприступной. Обычная женщина, хорошо знающая себе цену. Так этому качеству только поучиться можно.

– Недавно знаком, – чуть суше, чем следовало бы в разговоре с хорошенькой барышней, ответил он. – К тому же достаточно поверхностно.

– Значит, точно, вы пришли к ней по делу. – Ксюша запрыгала на подоконнике и даже в ладоши захлопала, воспользовавшись тем, что тяжелая штора уже была успешно водружена на место. – Я вас поймала! Я вас поймала!

– Да я вроде и не убегал, – засмеялся Дорошин.

Ксюша протянула к нему руки, чтобы он помог ей спрыгнуть с высокого подоконника, он не растерялся, положил ладони на тонкую девичью талию, поднял легко-легко и аккуратно опустил на пол рядом с собой. Так она едва доходила ему до подбородка. Сходство с диковинной куклой усилилось. Нет, эта девушка Дорошину положительно нравилась.

– Ладно, спасибо за помощь, с оставшимися окнами я уж как-нибудь сама справлюсь. – От улыбки на ее щеках появлялись озорные ямочки. – Нельзя

заставлять Виконтессу ждать. А то гневаться изволит. Кстати, вы – журналист?

– Почему журналист? – удивился Дорошин.

– Ну, раз вы идете к Склонской по делу, значит, вы или журналист, или коллекционер, или реставратор. У нее, кроме ее икон, никаких других интересов в жизни нет.

Дорошин внезапно задумался о том, как так получилось, что, много лет занимаясь именно розыском икон, он никогда прежде не сталкивался с Марией Склонской. Впрочем, объяснение этому было: оценщиков и специалистов по иконописи он, как правило, привлекал из Москвы, потому что след пропавших ценностей вел именно туда.

– Давайте все-таки вместе повесим оставшиеся шторы, а потом вы покажете мне, как найти Марию Викентьевну, – решительно сказал он. – И да, Ксюша, разрешите представиться. Меня зовут Виктор. Виктор Дорошин. И я вовсе не журналист, не коллекционер и не реставратор, хотя произведениями искусства интересуюсь, каюсь, грешен.

– А я уже ими объелась, – чуть грустно сказала Ксюша. – Я так мечтала быть искусствоведом. Мне казалось, что это так здорово – с утра до вечера смотреть на прекрасное. А сейчас чувствую, что меня этим прекрасным перекормили. Тем более что у нас тут обстановка такая… – Она замялась, подыскивая подходящее слово.

– Унылая, – подсказал Дорошин, который атмосферу провинциальных музеев знал прекрасно. Воздух здесь был чуточку затхлым, а люди словно присыпанными нафталином. Попадая в музей или картинную галерею, Дорошин всегда физически ощущал, как останавливается вокруг бег времени. Стоящая перед ним Ксения Стеклова была слишком живой и подвижной для того, чтобы чувствовать себя здесь комфортно.

– Да, – с готовностью подхватила она. – Конечно, стыдно так говорить, но это ужасно, когда ты окружена людьми, которым ничего не надо, кроме искусства. Здесь любое материальное желание воспринимается как оскорбление, как вызов. Здесь модно презирать деньги, а у меня не получается, понимаете? Мне хорошо от того, что у меня муж богатый, а без денег, наоборот, очень плохо.

Удар, нанесенный Дорошину, был так себе, слабенький, прямо скажем, удар, но разочарование разлилось по венам, гася внезапно возникшую надежду. У Ксюши, оказывается, был муж. «Впрочем, – усмехнулся про себя Дорошин, – ты же хотел, чтобы у тебя было, как у дяди, а он много лет встречался именно с замужней женщиной, и ничего».

– Пойду я, – сказал он, кляня себя за идиотские мысли. – Работу мы с вами закончили, я рад, что смог вам помочь. А теперь все-таки вынужден откланяться. Неудобно заставлять даму ждать.

– До новых встреч. – Ксюша стрельнула в него глазками и скромно потупила их. – Если Виконтесса расскажет вам что-нибудь интересное, обещайте, что поделитесь. Я ужасно любопытна, но молодежи особо никто ничего не рассказывает.

– Обещаю. – Дорошин приложит руку к груди и поспешил к неприметной двери в конце зала, за которой скрывалась винтовая лестница, ведущая в подвал, в служебные помещения и запасники картинной галереи.

Он спиной чувствовал, что сказочная фея Ксения Стеклова смотрит ему вслед.

* * *

Мария Викентьевна Склонская занимала кабинет не одна. За соседним столом обитало невзрачное существо неопределенных лет. Пол существа, впрочем, определялся безошибочно, благодаря длинной, до пола, бесформенной черной юбке. Серый в катышках свитерок с обдерганными рукавчиками, собранные в кучку на затылке волосы непонятного цвета, который отчего-то принято называть русым, завершали образ.

С точки зрения ценителя женской красоты Дорошина, женщины делились на блондинок, брюнеток, шатенок и рыжих, а русый цвет был форменным недоразумением, вызванным ленью и нежеланием работать над собой. Лень он не прощал ни в каких ее проявлениях.

– Витенька, мальчик мой, как я рада, что вы зашли, – воскликнула Склонская, когда он появился в дверях. – Проходите же скорее. Познакомьтесь, пожалуйста, это моя коллега Леночка.

Оставшееся до седых волос Леночкой существо подняло на Дорошина глаза, прикрытые стеклами немодных дурацких очков. Глаза не выразили ни капли интереса ни к самому Дорошину, ни к цели его визита, но врожденная вежливость все-таки заставила Леночку поздороваться, пусть и без малейшего намека на душевность.

– Здравствуйте. Меня зовут Елена Николаевна.

– Виктор Сергеевич. – Он церемонно шаркнул ножкой, испытывая ту самую скуку, о которой пару минут назад говорил с живой и подвижной Ксюшей.

Елена Николаевна выражала собой истинный образчик той самой породы «искусствовед обыкновенный», который царствовал в музеях российской глубинки. Одинокая, уставшая от серой жизни женщина с маленькой зарплатой, обитающая в старой хрущевке вдвоем с мамой. Мужа нет, детей нет, перспектив тоже нет. Зато начитанна, образованна и разбирается в искусстве.

– Леночка, могу я тебя попросить ненадолго оставить нас с Витенькой наедине, – попросила тем временем Склонская. – Мы бы прошли в чайную комнату, но там может быть многолюдно, а разговор у нас конфиденциальный. Пожалуйста, девочка, выполни мою просьбу.

«Девочка», которой уже было явно к пятидесяти, не поднимая головы, кивнула, подхватила полы своей длинной юбки, одернула свитерок, не дающий даже тонкого намека на грудь, и молча скрылась за дверью. Прошмыгнула тенью и исчезла, будто и не было ее.

Дорошин проводил ее глазами, придвинул стул и сел, приготовившись к длинному и, надо полагать, бессмысленному разговору.

– Виктор, я много знаю о вас, – начала Склонская. – Вы – удивительный специалист, создавший уникальную систему поиска пропавших ценностей. И эта система работает, несмотря на то что это далеко не всем по нраву. Я восхищена вашим профессионализмом, Виктор. Одна только Одигитрия Смоленская чего

стоит. Это же благодаря вам она вернулась в Россию. Да-да, не качайте головой. Я совершенно точно знаю, что благодаря вам.

Полковник Дорошин был изумлен. О его скромном вкладе в историю с возвращением одной из самых знаменитых в их регионе икон знали немногие. Действительно, найти Одигитрию удалось только благодаря составленному Виктором за несколько лет скрупулезной работы каталогу пропавших ценностей, исчезнувших из храмов и музеев его родной области.

Он мотался по церквям и приходам, разговаривал со священниками, составляя точную опись утраченного. В его каталоге, который он создал, сверстал и напечатал на свои собственные деньги, значились сто двадцать объектов иконописи, картин и других ценностей, украденных или числившихся пропавшими примерно с середины семидесятых годов двадцатого века. Большая часть их была украдена в девяностые, когда охотники за антиквариатом шныряли по маленьким городкам и деревням, взламывали заколоченные церкви, выдирали бесценные иконы из деревянных образов или забирали их вместе с образами, если те оказывались серебряными.

Дорошин не поленился разослать свой каталог во все музеи страны и даже Европы, имеющие фонды иконописи, видным коллекционерам, с большинством из которых был знаком лично, а также в адрес аукционов «Кристис» и «Сотбис».

Именно в его каталоге изображение Одигитрии Смоленской, одной из самых древних и почитаемых на Руси православных святынь, похищенной в 1994 году из районного музея, увидел зарубежный коллекционер, человек уважаемый и высоконравственный, купивший Одигитрию по случаю, не зная, что она краденая.

Как гласило описание в каталоге, сторож музея пил водку с двумя приятелями. К ним присоединились трое неизвестных, усыпили всю компанию, погрузили семь старинных икон в фуру, груженную пиломатериалами, и так вывезли через российско-финскую границу. Общая стоимость похищенного составила два миллиона долларов.

Потом Смоленская икона Богоматери, именуемая «Одигитрия», оказалась в Германии, где ее след затерялся почти на одиннадцать лет. Затем икона неожиданно «всплыла» на сайте Лондонской галереи Ричарда Темпла.

Дорошин отправил туда свой каталог, сотрудники галереи показали ее Темплу, и тот неожиданно согласился вернуть святыню в Россию, причем безвозмездно. Так образ, датируемый пятнадцатым – шестнадцатым веком, вернулся на Родину, осев, правда, в храме Христа Спасителя в Москве. Дорошин пытался довести дело до конца и добиться, чтобы Одигитрия вернулась на свое первоначальное место, но ему быстро предложили «не возникать».

Немного подумав, возникать он действительно не стал, потому что с точки зрения безопасности районный музей был вовсе не тем местом, где стоило хранить бесценную Одигитрию. Украсть ее во второй раз было делом плевым, поскольку система оповещения в музее была давно отключена за долги, а сторожа по-прежнему охотно выпивали с постучавшимися в дверь незнакомцами. Вот только откуда про все это было известно Склонской?

– Ваш дядя, мальчик мой, очень гордился вами, – сказала старуха, словно прочитав мысли Дорошина. – Он всегда рассказывал мне обо всех ваших успехах, потому что знал, что я смогу оценить их по достоинству.

– Странно, что он нас не познакомил, – признался Дорошин. – Вы специализируетесь на иконописи, я последние двадцать лет разыскиваю иконы. А встретились мы с вами только на дядиных похоронах.

– В жизни все бывает именно так и именно тогда, когда нужно и должно, – пожала плечами Склонская. Сейчас Дорошину даже в голову бы не пришло назвать ее старухой. – Мальчик мой, я случайно узнала одну вещь, совершенно невозможную, просто невообразимую, ужасную вещь. Это знание не укладывается у меня в голове. Если то, что я думаю, – правда, то наш музей ждет огромный скандал. Вселенский, не оставляющий камня на камне от репутации не только нашего директора, но и всех нас. Я не могу предать этот факт огласке до тех пор, пока не буду уверена, что права. Мои обвинения слишком серьезны, чтобы я бросалась ими направо и налево. И поэтому я решила сначала рассказать все вам, чтобы вы провели негласное расследование. Когда мы будем все знать досконально, тогда и примем решение, что делать дальше.

– Мария Викентьевна. – Дорошин улыбнулся специальной «полицейской» улыбкой, которая была у него заготовлена как раз для таких случаев. – Вы пытаетесь втянуть меня в игру, правил которой я не знаю, а я уже достаточно взрослый для того, чтобы не вестись на такие подначки. Я – не частный сыщик,

не комиссар Мегрэ, не Эркюль Пуаро. Я полковник полиции, находящийся при исполнении своих служебных обязанностей. Если я узнаю о нарушении закона, я не буду держать это в тайне. Я придам этот факт огласке, невзирая на то, что от этого может пострадать чья-то репутация. Если бы вы знали, сколько репутаций я разрушил за годы работы… К сожалению, когда речь идет о кражах произведений искусства, это неминуемо. Я правильно вас понял, ведь вы обнаружили пропажу из запасников музея какой-то иконы? Или наоборот, увидели икону, которой в вашей галерее нет и не может быть? Это что-то из моего каталога? Раз вы про него знаете, вполне вероятно, что он у вас есть. И, скорее всего, от моего дяди. Я верно излагаю?

– Не совсем, – спокойно сказала Склонская. Если в телефонном разговоре, назначая встречу, она сильно волновалась, то сейчас держала себя в руках, как человек, который все давно для себя решил. – Я – хранитель иконописи, но это вовсе не означает, что я не разбираюсь во всем остальном. Более того, если бы дело касалось моей зоны ответственности, то я сразу же настояла бы на официальном обращении в полицию. Но то-то и оно, что меня это совершенно не касается. Видите ли, Виктор, я совершенно случайно обнаружила, что в музее отсутствует одна картина. Подлинник. Очень ценный подлинник. Я попробовала аккуратно навести справки и поняла, что никто не видел ее уже более года. Мой коллега, отвечающий за фонды живописи, не уделил исчезновению картины должного внимания, и мне важно понимать, по безалаберности это или по злому умыслу. И уже только после этого поднимать шум.

– Ваш коллега – это Елена Николаевна? – Дорошин кивнул в сторону пустующего стола в дальнем углу кабинета.

– Леночка? Нет-нет, она – просто старший научный сотрудник, а в одном кабинете мы оказались только потому, что никто больше не соглашается терпеть мой несносный характер. Старые упрямые люди всех раздражают, особенно когда учат относиться к своим обязанностям серьезно, а не поверхностно. А Леночка, во-первых, отличный профессионал, а во-вторых, просто хороший, добрый человек, готовый уважать старость. Моего коллегу зовут Борис Петрович Грамазин, и он сидит в соседнем кабинете вместе с Ксюшей Стекловой. Есть у нас такая милая девочка.

– С Ксюшей я уже как раз познакомился, – сообщил Дорошин и внезапно покраснел, будто его поймали с поличным на чем-то очень неприличном. – Мария Викентьевна, а можно уточнить, что же у вас, собственно говоря, пропало?

– Я не знаю, пропало или нет, – печально сказала Склонская. – Вполне возможно, что картину просто переложили в другое место, и сейчас она спокойно лежит где-то в запасниках. За последние три года галерея была вынуждена трижды перевозить основные фонды из здания в здание. Виктор, вы же знаете, какая беда у нас с финансированием. Мы и в этом-то помещении сидим на птичьих правах, со дня на день ожидая выселения.

Действительно, областная картинная галерея в их городе располагалась в здании бывшего кафедрального собора, который по закону о реституции уже передали церкви. Власти говорили о том, что обязательно подыщут музею новое помещение, но отведенный для этого срок подходил к концу, а проблема так и не была решена. Это Дорошин знал прекрасно. Но разговор со Склонской начал выводить его из терпения.

– Мария Викентьевна, я осведомлен о всех бедах галереи. – Он сделал упор на слове «всех», подчеркивая, что в курсе различных сплетен и слухов, которые ходили вокруг этого культурного заведения. – Я понял, что пропажа, о которой вы беспокоитесь, на самом деле могла никуда не пропасть, а просто затеряться в запасниках. Я оценил, что вы никого ни в чем не обвиняете и старательно пытаетесь не выносить сора из избы. Я даже могу вам обещать, что до того, как дать делу официальный ход, постараюсь максимально тщательно разобраться с ним сам. Но ради всего святого, скажите уже, наконец, ЧТО именно, на ваш взгляд, пропало? Перестаньте уже говорить загадками.

– Картина «Днепр». Этюд Куинджи, – тихо сказала Склонская. Полковник Дорошин с грохотом упал со стула, у которого внезапно подломились ножки.

* * *

Борис Грамазин был доволен. Очень доволен. Наконец-то его коллекция пополнилась новым экспонатом, причем воистину бесценным, хотя бы потому, что он достался ему даром. Нет, за некоторые жемчужины своего собрания он платил деньги, причем, по его меркам, немалые, другие же находил по случаю, получая за бесценок или вообще даром. Такие он ценил особо.

Как и все коллекционеры, он мог часами смотреть на свои сокровища, перебирать их, каталогизировать, оценивать, смаковать воспоминания о том,

как они были приобретены. Борис Грамазин был страстной натурой, хотя его внешний облик мало соответствовал такому определению.

Глядя на его сутулую фигуру, печально поникший длинный нос, впалые щеки, по которым струились давно не стриженные сальные патлы, слыша монотонный, чуть визгливый голос, ловя сонный, ничего не выражающий взгляд, никто не мог даже догадаться о том, какой силы страсти бушуют внутри этого человека.

Он был по-настоящему одержим идеей пополнения своей коллекции и ради этого ничем не гнушался. Если бы ему кто-то сказал, что его деятельность аморальна, то Грамазин очень бы удивился подобной постановке вопроса. Цель оправдывает средства, в этом он был убежден совершенно искренне, а мораль и нравственность, как фундаментальные философские категории, находящиеся в ведении этики, не брал в расчет совершенно. В конце концов, этика – это наука, а значит, отношения к реальной жизни не имеет.

Грамазин закрыл тетрадочку, в которой только что тщательно зафиксировал пополнение своей коллекции, и довольно улыбнулся, как наевшийся сметаны кот. Впрочем, улыбка тут же исчезла с его лица, как будто ее стерли тряпкой. Мужик, припершийся к старухе, мог существенно подпортить ему всю малину.

Секрет, переставая быть таковым, утрачивал всяческую ценность. Это грозило потерей экспоната, а значит, надо было хорошенько постараться, чтобы этого не допустить. Вот только как?

Его раздумья прервал звонок в дверь. Борис Петрович удивился, поскольку уже много лет никого не ждал. Старчески шаркая по полу ногами, обутыми в разношенные войлочные тапки, спадающие чуть ли не на каждом шаге, он прошел к двери и посмотрел в глазок.

Чуть искаженная оптическими линзами фигура была ему хорошо знакома, но Грамазин не имел ни малейшего представления о том, чем был вызван этот внезапный визит. Ему казалось, что с этим человеком они обо всем договорили. Недоуменно пожав плечами, он открыл дверь.

– Здравствуйте, не ожидал вас у себя увидеть.

– Я могу пройти?

– Конечно. – Борис Петрович посторонился, пропуская нежданного визитера в прихожую. – Впрочем, если вы собираетесь снова уговаривать меня, то все это понапрасну. Я уже объяснил вам, что ничего не отдам. У меня коллекция. Она не так велика, чтобы я разбрасывался ее экспонатами. Поймите, ничего личного. Но то, что принадлежит мне, у меня и останется.

– Принадлежит вам? – В голосе прозвучала легкая ирония, слегка неуместная в затхлых стенах узкого, захламленного коридора.

– Не придирайтесь к словам. То, что находится у меня… Какая разница?

– Существенная. То, что находится у вас, на самом деле принадлежит мне, и я в последний раз предлагаю вам вернуть мне то, что вы называете «экспонатом». Уверяю вас, у меня к этому совершенно иное отношение. Вы ведете речь о своей дурацкой коллекции, а я – о своей семье, которая для меня, признаюсь, священна.

– Ваше отношение к своей семье весьма похвально. – У Грамазина вдруг пропал голос, и он был вынужден откашляться. – Вот только ко мне и моему скромному увлечению не имеет никакого отношения. По-моему, я вам уже это объяснял. Надеюсь, что этот наш разговор последний.

– Надеетесь? – Голос теперь звучал совсем недобро. – А я так в этом совершенно уверен.

Борис Петрович Грамазин хотел уточнить, что имеет в виду его неожиданный визави, однако не успел.

Стук падения тела был негромким, уж точно не слышным с лестницы. Человек, только что совершивший убийство, прошел в комнату, в которой уже освоился ранний декабрьский вечер, огляделся по сторонам, подошел к столу, не снимая перчаток, вытащил верхний ящик. Он был готов к долгому, обстоятельному осмотру, так как знал, что ему совершенно точно никто не помешает.

Взгляд его упал на поверхность стола, и человек довольно засмеялся. То, за чем он пришел, не нужно было искать. «Экспонаты» были разложены прямо на столешнице. Он взял нужный, тщательно убрал в перекинутую через плечо

сумку, не забыв прихватить лежащую рядом тощую тетрадку – каталог.

Все. Больше в этой квартире ему было нечего делать. Мягко стукнула захлопнувшаяся за одетой в черное фигурой входная дверь, щелкнул язычок английского замка. Тусклый свет давно немытой лампочки безучастно освещал лежащее на полу тело и отлетевший в сторону старый войлочный тапок с дыркой на месте большого пальца.

* * *

Обложившись бумагами, Дорошин изучал все, что смог найти в Интернете по поводу этюда Куинджи «Днепр». История, рассказанная Склонской, его увлекала все больше и больше. То, что Мария Викентьевна сказала правду, он нисколько не сомневался. В том, что картина действительно пропала, а не переложена случайно с места на место, тоже. Весь накопленный за годы работы опыт твердил о том, что Куинджи украден.

По просьбе Дорошина Склонская составила список работников галереи, имеющих допуск в хранилище. Помимо ее самой, Ксении Стекловой, Елены Золотаревой и Бориса Грамазина, о которых полковник уже был наслышан, в список вошли директор музея Арина Морозова, старший научный сотрудник Андрей Калюжный, младший научный сотрудник Алена Богданова, уборщица Светлана Попова и ремонтных дел мастер Ильдар Газаев. В штате картинной галереи кроме них посменно трудились еще две гардеробщицы и четыре смотрительницы залов, однако специального ключа, открывающего двери в хранилища, они не имели. Итого, вынести картину могли девять человек. Не так уж и мало.

Мария Викентьевна рассказала Дорошину все, что знала. Пропажа Куинджи выяснилась случайно. Ее внучке, студентке филфака, задали доклад о творчестве Куинджи, и девочка решила вставить в него раздел о наличии подлинников художника в их городе. Склонская принесла ей каталог, изданный картинной галереей в две тысячи четвертом году, в котором черным по белому значилось, что в ее запасниках хранится два этюда знаменитого мастера – «Закат в лесу» и «Днепр», переданные в дар Обществом имени Куинджи в 1995 году.

– Эта работа была написана в промежуток с 1898 по 1900 год, – рассказывала Дорошину Склонская. – Она небольшая, размером одиннадцать на семнадцать сантиметров. На ее обороте был штамп общества Куинджи и подписи входящих в него художников Рылова и Бухгольца, а также присвоенный картине инвентарный номер.

Внучка Склонской также попросила бабушку сфотографировать картину на телефон, чтобы иметь ее «живое» изображение, однако когда Мария Викентьевна спустилась в хранилище, то в положенном месте картину не нашла. Обращение за помощью к Грамазину тоже не дало результатов. Борис Петрович не смог сказать, ни где находится картина, ни когда он видел ее в последний раз.

– Валяется где-то, – беспечно сказал он, почесывая худосочную грудь под видавшей виды черной водолазкой. – Будем переезжать – найдется.

Склонская его оптимизма не разделяла. Ей казалось, что пропажа картины такого уровня грозит вселенским скандалом, а потому начала аккуратно спрашивать у коллег, кто из них видел картину последним. Богданова, так же как и сама Мария Викентьевна, специализировалась на иконописи, поэтому судьба картины из соседнего отдела ее совершенно не интересовала. Калюжный, пишущий диссертацию как раз по Куинджи, припомнил, что описывал все, что связано с «Днепром», два года назад и тогда точно доставал этюд из хранилища, чтобы рассмотреть поближе. Соответствующая запись в журнале учета материальных ценностей действительно была.

Елена Золотарева сказала, что видела этюд, когда поступала на работу в галерею, поскольку знакомилась тогда со всеми фондами, и больше о нем не вспоминала. Директоршу Морозову Склонская беспокоить попусту не решилась, уборщица и разнорабочий, услышав вопрос о Куинджи, лишь посмотрели непонимающе, поскольку никогда даже не слышали такой фамилии, и лишь Ксюша Стеклова, морща чистый лобик, припомнила, что года полтора назад из Москвы приезжал какой-то фотограф, который просил разрешения сфотографировать именно этюд «Днепр». Запись об этом событии в журнале Грамазина Склонская тоже отыскала, и получалось, что после визита неизвестного фотографа «Днепр» никто не видел.

– А что это был за фотограф, вы не знаете? – спросил Дорошин, впрочем, без малейшей надежды.

– Нет, я вообще про него не знала. Хорошо, что Ксюша вспомнила, а то бы и этого не узнали.

– А эта ваша Ксюша, вообще, что за человек? – Дорошин попытался, чтобы его голос звучал как можно безразличнее.

– Хороший человек, славный. – Мария Викентьевна пожала плечами. – Как мне кажется, не очень счастливый, хотя я могу и ошибаться. Видите ли, Витенька, я, признаться, не очень понимаю нынешнюю молодежь. Девочка она тонкая, в искусстве разбирается прекрасно, но вот ценности у нее совсем другие, чем у моего поколения. И это печалит очень. Мне с ней общаться не очень интересно, впрочем, как и ей со мной. Мне Леночка гораздо ближе. Вот она – просто прекрасной души создание. С ней можно в разведку, если вы помните еще такую меру человеческой порядочности.

– Помню, – засмеялся Дорошин. – Хотя и младше вас с Леночкой, но помню.

– Меня вы, несомненно, младше, Витенька. – Склонская весело рассмеялась, и смех ее звучал очень молодо и звонко. Сейчас ей ни за что было не дать ее семидесяти лет. – А вот Леночку вы зря в старухи записали, ей всего тридцать шесть.

– Как тридцать шесть? – глупо спросил Дорошин, вспоминая бесформенную юбку, невыразительное лицо и тусклый ком волос, собранных в гладкий узел. – Я думал, ей за пятьдесят.

– Виктор, – Склонская укоризненно погрозила полковнику пальцем, – если бы вы сказали это при Леночке, то нанесли бы ей страшное оскорбление. Уверяю вас, что я не ошибаюсь относительно ее возраста, и она всего на четыре года старше Ксюши.

– Как на четыре? – чувствуя себя идиотом, Дорошин все-таки не смог сдержать вырвавшийся у него вопрос. – Я был уверен, что Ксюше лет двадцать пять, не больше.

– Она молодо выглядит, тем более что у нее есть возможность ухаживать за собой, посещать салоны красоты. У нее муж бизнесмен, поэтому она может

позволить себе дорогую одежду и косметику, а Леночка живет на свою более чем скромную зарплату и пенсию деда, поэтому вы так жестоко и ошиблись в плане ее возраста.

Так, бесформенное пугало Леночка, по внешнему виду которой никак нельзя было предположить, что она еще достаточно молода, жило не с мамой, как изначально предположил Дорошин, а с дедом. Что ж, не так сильно он и ошибся на самом-то деле. Интуиция его не подвела. Полковник усмехнулся. Леночка, сколько бы лет ей ни было, его совершенно не интересовала.

– А почему вы сказали, что Ксюша, по вашему мнению, несчастна? – Солнечное создание, тонкость талии которого он еще ощущал на свои ладонях, влекло его к себе с давно забытой силой.

– Мне сложно это объяснить. – Склонская говорила медленно, будто взвешивая каждое слово. – К тому же я не терплю досужих сплетен. Видите ли, Витенька, я совершенно точно знаю, что ни одна женщина не может быть счастливой, живя с мужчиной, которого она не любит. Я имею в виду, не любит по-настоящему, до дрожи в коленях, до замирания в груди, до мурашек в животе, до онемения в кончиках пальцев. – Пожилая женщина заметно разволновалась, грудь у нее вздымалась, она говорила, немного задыхаясь, как будто о личном, и Дорошин внезапно понял, что она говорит о себе, не о Ксюше Стекловой. – Ксения же своего мужа так не любит, это совершенно очевидно. Он не подходит ей, потому что слеплен совсем из другого теста. Она живет с ним ради его денег, что само по себе отвратительно, и еще и поэтому она не может быть счастливой.

Аргументация Склонской была Дорошину понятна, но вот правильна ли она? Этого он не знал. После того как его выгнала жена, он вынужден был признать, что женская логика действительно вещь непостижимая. Впрочем, считать, что так понравившаяся ему Ксения Стеклова несчастна в браке, ему было выгодно. Это оправдывало Дорошина в собственных глазах, поскольку он совершенно точно намеревался закрутить с ней роман. Или хотя бы попробовать это сделать.

У нее были чудесные глаза, нежная кожа, густые волосы и совершенно потрясающая фигура с подтянутой попкой и высокой грудью. Он представил на минуту, как она склоняется над ним, волосы цвета ржи падают ему на лицо, его обнаженной груди касаются два восхитительных полушария с торчащими вперед сосками, и даже зажмурился от охватившего его восторга.

Чтобы отвлечься, Дорошин яростно защелкал компьютерной мышкой, добывая из Интернета информацию о Куинджи. Ему было важно понять, на какой доход мог рассчитывать похититель картины.

Добытая в недрах мировой паутины информация оказалась настолько захватывающей, что он даже забыл и о прекрасной Ксюше, и о том, что, к немалой своей досаде, не смог заполучить номер ее телефона. За время его разговора со Склонской девушка куда-то испарилась, а спрашивать у Марии Викентьевны он постеснялся.

Архип Куинджи был воистину уникальным мастером. Он творил картины настолько пронзительные, что, по словам современников, им «хотелось заглянуть за холст, чтобы убедиться в отсутствии искусственной подсветки луны». Высокая стоимость работ Куинджи объяснялась тем, что он оставил после себя всего сто семьдесят восемь каталогизированных картин и несколько десятков этюдов и графических работ.

На аукционе «Сотбис» за всю историю его существования было продано только три полотна Куинджи. В 2008 году знаменитая «Березовая роща» ушла с молотка за три миллиона долларов, в то время как проданные одновременно с «рощей» картины Айвазовского «Раздача продовольствия» и «Корабль помощи» принесли вместе всего два с половиной миллиона.

Дело начинало пахнуть жареным, и Дорошин почесал нос. Это было первым признаком того, что полковник «взял след». Пожалуй, с этой минуты он совершенно точно знал, что Куинджи действительно украли из картинной галереи. Но вот кто и когда?

Виктор сходил на кухню, вскипятил чайник, заварил огромную кружку душистого иван-чая с брусникой, бросил туда щедрый ломоть лимона, насыпал три ложки сахара и снова вернулся в кресло перед компьютером. Еще минут через десять он нашел информацию о том, что пятнадцать лет назад две картины Архипа Куинджи «Вечерний закат» и «Развалины в степи» были украдены из картинной галереи в Челябинске.

Точно как в обожаемом Дорошиным фильме «Как украсть миллион», за два дня до кражи в галерее несколько раз срабатывала сигнализация. Приезжавшие наряды полиции не нашли ничего подозрительного и, решив, что охранная

система неисправна, ее отключили. На следующую же ночь злоумышленники выдавили оконное стекло и похитили полотна, которые не нашли до сих пор. Особое любопытство вызывал и тот факт, что в галерее на виду висели гораздо более ценные по стоимости картины, однако их не тронули, позарившись именно на Куинджи.

Дорошин залпом допил остывший чай и откинулся на спинку стула. Пожалуй, на данный момент он был уже готов задать несколько вопросов своему старинному приятелю Эдику Киреева, работавшему экспертом в одном из крупнейших художественных музеев Москвы – Русской антикварной галерее.

Он потыкал пальцами в кнопки компьютера, запуская программу скайп и включая камеру. Через минуту на экране возникло лицо Киреева. Чуть раскосые глаза, взлохмаченные вихры, полные, четко очерченные чувственные губы и длиннющие ресницы, на зависть девицам, длинный растянутый свитер, обманчиво простой. Дорошин знал, что на самом деле английские свитера Эдика стоят целое состояние.

– Привет, Вик. – Эдик предпочитал разговаривать на американский манер, сокращая имена до их международных вариантов. – Давно тебя не слышал. Нашел что-нибудь стоящее? Или, наоборот, потерял?

– Привет, Эд. Если честно, пока и сам не знаю, – признался Дорошин. – Злые языки поговаривают, что из одного из наших музеев умыкнули этюд Куинджи, а вот правда это или досужий вымысел, мне еще только предстоит выяснить. Сижу вот, колупаюсь помаленьку.

– Богато живете, – хохотнул Киреев. – И частенько у вас в музее ценностям ноги приделывают?

– Да если честно, на моей памяти впервые. Ты мне скажи по-дружески, сколько может стоить этюд Куинджи, датированный концом девятнадцатого века? Небольшая совсем работа. В карман, конечно, не влезет, в дамскую сумочку тоже, а вот в портфель запросто.

– Недооцениваешь ты дамские сумки, Вик, – хмыкнул Эдик. – Моя дражайшая половина с собой такой баул таскает, что мне и не снилось. У меня в машине в багажнике меньше лежит, чем у нее в сумке. Одних косметичек штук пять.

– Зачем? – искренне удивился Дорошин.

– Так вот и я ее спрашиваю – зачем. А она объясняет, что в одной – косметика, в другой – лекарства, в третьей – скидочные карточки магазинов разных, в четвертой – иголки с нитками…

– А в пятой? – подначил приятеля Дорошин, который любил разговаривать с общительным и жизнелюбивым Эдиком.

– А пятая – секрет, терра инкогнита. По крайней мере, мне так и не открылась тайна сия. Женщины, что ты от них хочешь. Их хлебом не корми – дай обвесить тайнами пространство вокруг себя. И табличку повесить, как на трансформаторной будке: «Не влезай – убьет». Я и не лезу. Я жить хочу.

– Прав. Во всем прав. – Дорошин покачал головой. – Так что там с Куинджи-то, Эд? Правда очень надо.

– Ну что тебе сказать. – Эдик воткнул в свою растрепанную голову карандаш, который до этого вертел в руках. – Я ж твою картину не то что пощупать не могу, но даже не вижу, поэтому полноценную оценку дать не в силах. Но если работа, как ты говоришь, действительно подлинная, то торги на нее на аукционах могут начинаться с двух-трех миллионов рублей. А дальше уж как пойдет. И в несколько раз цена взлететь может.

– Немало. – Дорошин крепко растер затылок. – Но я так мыслю, что ворованную картину на аукцион выставят вряд ли. На черном рынке ее почем сторговать можно?

– Так за два-три и можно. Не бог весть какие деньги, конечно, но лучше, чем ничего.

– Лучше, – согласился Дорошин, – кто ж спорит. Эдик, дорогой, а ты случаем, не слышал, чтобы кто-нибудь Куинджи продавал?

– За какой промежуток времени? – деловито уточнил Киреев, который моментально прекращал треп на сторонние темы, когда разговор действительно становился серьезным. – Месяц, два, полгода?

– Кабы я знал. – Дорошин досадливо вздохнул. – Последний раз этюд точно видели полтора года назад. Возможно, пропал он именно тогда, а возможно, и нет.

– Богато живете, – повторил Киреев. – То есть ты хочешь сказать, что в картинной галерее может пропасть подлинник Куинджи, и его никто не хватится?

– Может, Эдик, в том-то и дело, что может, хотя, если честно, у меня у самого это в голове никак не укладывается.

– В общем, давай так. Я пошуршу тут по своим каналам. Может, кто-то чего знает или слышал. Временной интервал мне понятен. Как что узнаю, так сразу наберу. Ок?

– Олл райт, – рассмеялся Дорошин. – Ты ж знаешь, я не люблю американизмы. Уж если переходить на английский, то на старый, добрый, классический, которым я, впрочем, владею крайне слабо.

– Да ладно врать-то. – Эдик тоже с удовольствием расхохотался. – А то не помню я, как ты шпарил по-английски в американском посольстве, когда «Троицу Ветхозаветную» у нас чуть ли не с ОМОНом отбивал.

Дорошин тоже вспомнил историю, в ходе которой он и познакомился с Эдуадром Киреевым. Познакомился, а потом и подружился. Было это почти двенадцать лет назад. Святыня стоимостью почти в миллион долларов была украдена из храма в одном из райцентров еще в конце восьмидесятых годов, когда сам Дорошин еще учился в школе. Искали ее ни шатко ни валко.

Пятнадцать лет назад, когда Дорошин еще только начал составлять свой каталог, он внес в него эту икону шестнадцатого века, а спустя три года обнаружил ее выставленной в Москве, в частном музее русской иконы, в котором тогда и работал Киреев. Владелец музея сообщил, что реликвия принадлежит частному лицу, с которым он ведет переговоры о возможной продаже, чтобы вернуть на родину.

На самом деле директор музея предупредил владельца иконы о том, что экспонатом его коллекции, находящимся в международном розыске, интересуются, и за приличное вознаграждение пообещал втихаря вывезти икону из музея. Узнавший об этом Киреев, как человек честный и порядочный, предупредил Дорошина, и тот явился в музей вместе со своим областным ОМОНом, мало надеясь на помощь московских правоохранителей.

Как выяснилось, он был прав, потому что на помощь директору музея приехала другая спецгруппа, и не положили они там друг друга исключительно чудом. Документы о том, что на самом деле «Троица» краденая, у Дорошина были, поэтому короткая «разборка» закончилась один – ноль в его пользу. Икону он тогда из музея забрал, но был вынужден вместе с представителем музея, которым оказался Киреев, отправиться в американское посольство, чтобы присутствовать на встрече с коллекционером, в одночасье лишившимся одного миллиона долларов.

Как рассказывал потом своей жене Эдик, притащивший Дорошина к себе домой пить водку, «встреча прошла в теплой и дружественной обстановке, в условиях взаимного доверия, и стороны выразили готовность прийти к пониманию по всем рассматриваемым вопросам и расширять дальнейшее сотрудничество».

Дорошин только посмеивался, вспоминая, какими глазами смотрел на него безукоризненно вежливый коллекционер. Если мог бы разорвать, то разорвал бы голыми руками, да еще и глотку перегрыз. Из частного музея Киреева, конечно же, уволили за нелояльность. Но он не расстроился, а устроился в другое место, став для Дорошина и другом, и надежным союзником. Экспертом он был действительно прекрасным. И вот сейчас пообещал узнать, что сможет. Дорошин даже не сомневался: если у пропавшего в их картинной галерее Куинджи есть хоть малейший след, Эдик его обязательно разыщет.

* * *

Ксения еще раз посмотрелась в зеркало и осталась довольна. Впрочем, как и всегда. В блестящей гладкой амальгаме отражался высокий ровный лоб, ясные глаза с синеватым отливом и желтыми кружками вокруг зрачков, тонкий, аккуратной лепки нос, довольно большой подвижный рот с полными губами, приоткрывающими ровные зубы, очень белые. Густые волосы цвета ржи, которые она обычно заплетала в длинную косу, сейчас были распущены и

свободно лежали на плечах, даруя ощущение приятной тяжести.

Ксения была красива, и знала это. Внешность ее не казалась искусственной, хотя бы потому, что была не результатом усилий опытного косметолога, а дарована от природы. Нет, к косметологу Ксюша Стеклова, конечно, ходила регулярно, но за внешность все-таки благодарила хорошую генетику. Ее мать и бабушка тоже выглядели просто отлично, гораздо моложе своих лет, и Ксения знала, что если высыпаться, правильно питаться, не пить, не курить и не расстраиваться по пустякам, то красоту она сохранит до глубокой старости.

Впрочем, с последним обязательным пунктом программы по продлению молодости дела обстояли не очень. Поводов волноваться и расстраиваться у нее было очень много, причем большинство из них были вовсе не пустяшными, а требующими самого серьезного внимания. Но что ж делать, если жизнь несовершенна…

Ксения бросила последний раз взгляд в зеркало и с легким вздохом отошла от него, машинально накручивая на тонкий палец прядь волос. Так ей легче думалось. Замуж она вышла, как только ей исполнилось восемнадцать, и теперь, по прошествии четырнадцати лет семейной жизни, считала свой брак ошибкой. Молодая она тогда была, глупая. Считала, что если за мужем как за каменной стеной, то больше ничего для счастья и не надо.

Ошибалась. Ой, как ошибалась! И мама с бабушкой не предупредили. Хотя мама пыталась, да бабушка ей не дала. Ксюша тогда подслушала их разговор, в котором мама что-то робко говорила про любовь, а бабушка шикала на нее, мол, не дури девке голову. Без любви жить можно, а вот без денег, без квартиры, без возможностей дать детям нормальное образование жизни как раз никакой.

Тогда Ксения была с бабушкой полностью согласна, да и сейчас не сомневалась в правоте ее слов. Вот только ложиться в постель с мужчиной, которого не любишь, было мукой горькой, слушать грубые мужицкие рассуждения на совершенно неинтересные для себя темы – тоже. Муж Ксении, Альберт Стеклов, несмотря на выпендрежное имя, человеком был малообразованным, в искусстве и литературе не разбирался, книг не читал, в музеи не ходил, хотя работой Ксении был доволен. По его житейским меркам, жена-искусствовед вполне соответствовала его статусу и положению в обществе. Было в этом что-то возвышенное.

Четырнадцать лет назад жену себе он выбирал, как в былые времена гусары выбирали коня. Вдумчиво, не спеша, примеряясь и прицениваясь. Члену одной из бандитских группировок, поднявшемуся на разборках и развернувшемуся в бизнесе, нужна была жена-девственница. Это условие было первым, обязательным, хотя и не единственным.

В поисках скромной, неиспорченной девушки он и приехал как-то в один из военных городков, где строгие отцы-офицеры блюли честь своих дочерей, гоняя солдат и прапорщиков из-под своих окон. Приехал, пришел на выпускной вечер в местную школу, где юные красавицы были выставлены во всей своей красе, увидел Ксению, навел справки и решил, что это именно то, что ему требуется.

Ксюша закончила школу с золотой медалью, поступала на филологический факультет университета, и мама с бабушкой с ужасом думали о том, как отдадут свое хрупкое наивное дитятко в страшный вертеп под названием общежитие. Скоропалительный брак с Альбертом Стекловым решал проблему с местом жительства на раз, а заодно еще обеспечивал дитятке безбедную жизнь.

За четырнадцать лет обе стороны исполняли заключенный между ними договор безукоризненно. Альберт расширил бизнес, перевез семью из четырехкомнатной квартиры в роскошный особняк в элитном поселке Сосновый Бор в самом центре города, купил Ксюше маленькую юркую японскую машинку, обеспечил бесперебойное поступление мехов и бриллиантов, не скупердяйничал, давая деньги на хозяйство, и возил жену по морям-заграницам.

Ксюша же взамен родила ему двоих детей, аккуратно вела хозяйство, пусть и прибегая к помощи домработницы, но освоив премудрости кулинарии, украшала собой званые вечера, заставляя партнеров мужа восхищенно причмокивать при своем появлении, безропотно отпускала мужа на мальчишники и положенные пьянки в банях, никогда не ревновала и не доставляла ему ни малейших хлопот.

Альберт был всем доволен и искренне считал, что четырнадцать лет назад рассчитал все правильно и совершил очень выгодную сделку. Ксюша ни в чем не нуждалась, ни на что не жаловалась, но отчаянно скучала. Мужа она не любила.

Дети – десятилетний Арсюша и пятилетняя Настенька уже не требовали ежеминутного внимания, ходили себе в школу и элитный детский сад, а в остальное время прекрасно ладили с няней.

Ксюше все чаще хотелось приключений, пусть даже и сопряженных с холодящей кровь опасностью, вот только взять их было совершенно негде. Впрочем, умный человек отличается от глупого тем, что не мечтает, а ставит цели. Ксения Стеклова была умной молодой женщиной, поэтому цель для себя определила четко и была намерена идти к ней, невзирая на трудности и преграды.

Неожиданно встреченный ею в картинной галерее мужчина, пришедший по делам к старой и нудной Виконтессе, ее заинтриговал. Он был привлекателен, даже красив. В его простой на первый взгляд внешности таилось что-то благородное, обращающее на себя внимание, заставляющее во второй раз обернуться, чтобы разглядеть получше.

Он выглядел надежным, верным, неглупым, очень спокойным человеком. И в этом спокойствии крылась мужская сила, которую Ксения за годы наблюдений за представителями другого пола научилась видеть и ценить. Пока они вешали штору, Ксения вдруг задумалась о том, каково это лежать в его объятиях, чувствовать на шее его дыхание, ощущать его пальцы на своей коже.

Никакие мужчины до этого не вызывали в ней подобных мыслей. Занятия сексом Ксения считала не очень приятной, хотя и нечастой обязанностью, а о том, что от этих занятий можно еще и испытывать удовольствие, читала только в женских романах, которые, к слову, не очень любила. Воспитана она была на классической литературе и другими жанрами немного брезговала.

В общем, мужчина, представившийся Виктором Дорошиным, чем-то ее зацепил, тем более что Ксюша просто физически ощущала, что от него исходит какая-то неведомая опасность. Как от волка, идущего по следу. Он будил не только физические желания, но и изрядно щекотал любопытство, поэтому Ксения для себя решила, что обязательно должна познакомиться с ним поближе.

Она видела (женщины всегда это чувствуют), что тоже его зацепила. Он прямо глаз с нее не сводил, и его внимание ей было приятно. Кроме того, это Ксюша тоже успела заметить внимательным ревнивым женским взглядом, у него не было обручального кольца. Правда, это ровным счетом ни о чем не говорило, многие женатые мужчины не носили колец, но почему-то благодаря внезапно обострившемуся женскому чутью Ксюша знала, что он не женат.

Дорошин не попросил ее телефона. Не потому, что не хотел, просто не посмел спросить, это Ксения тоже понимала со всей очевидностью. Поймать его после окончания разговора с Виконтессой она не успела. Собиралась, конечно, даже слонялась неподалеку, чтобы якобы случайно попасться на глаза, но была перехвачена Ариной Романовной Морозовой, директором галереи, женщиной высокодуховной, абсолютно беззлобной, непрактичной до святости. Коллеги над ней постоянно посмеивались, необидно подшучивали, но уважали. Поэтому, когда Морозова отправила Ксюшу отнести пачку документов в областной Департамент культуры, отказать ей та не смогла, а когда, выполнив поручение, вернулась обратно, Дорошина в галерее уже не было.

Впрочем, это было не страшно. Его телефон или адрес наверняка можно было раздобыть у старухи. Та благоволила Ксюше, в отличие от грымзы, мымры и зануды Ленки Золотаревой. Вот та Ксению Стеклову не любила. На совещаниях смотрела хмуро и как будто мимо, ни разу не похвалила, не поддержала, не сказала доброго слова, будто Ксюша – не человек, а неодушевленный предмет мебели, да еще и чужеродный, так и не прижившийся в галерее.

Это было особенно обидно, потому что специалистом Ксения была неплохим и в галерее работала с выхода из второго декрета, то есть три года, а своей для Золотаревой так и не стала. Впрочем, со всеми остальными сотрудниками, включая своего непосредственного начальника Бориса Грамазина, отношения у нее были нормальными, а на Золотареву наплевать и растереть. Подумаешь – цаца!

Итак, решено. Завтра же Ксюша найдет повод подлизаться к Виконтессе и попросит телефон Дорошина. В конце концов, у нее есть цель, к которой нужно идти. А какими методами, не имеет ни малейшего значения.

* * *

Суббота – лучший день недели. Особое отношение к субботе у Дорошина сложилось еще в молодости, когда, просыпаясь утром, он понимал, что можно не идти на работу, а отправиться с сыном в детский парк на аттракционы, затем всей семьей пообедать в ресторанчике на берегу Волги, заказав обязательную солянку и котлету по-киевски, или съездить на дачу к родителям, чтобы нажарить шашлыков и накупаться все в той же Волге, а зимой вдоволь накататься на лыжах и санках, налепить снеговиков и вернуться домой в

предвкушении оставшегося впереди воскресенья.

Конечно, все это счастье выпадало на долю Дорошина далеко не каждую неделю, а только тогда, когда не было дежурства, но тем больше он любил те субботы, которые все-таки оказывались выходными. Сейчас его никто не ждал с нетерпением, чтобы провести субботу вместе, но любовь к этому дню осталась, въелась в кровь, и по субботам Дорошин позволял себе выспаться вдоволь, немного поваляться в постели, чувствуя каждой клеточкой, как растекается по телу приятная лень, затем встать и приступить к ремонтно-строительным работам в своем доме, затем съездить в магазин за пивом и полагающимися к нему вкусностями, докрасна натопить баню и париться от души часа три-четыре, перемежая походы в парилку с потягиванием холодного пивка и валянием в сугробе.

Сегодня была в аккурат суббота, и, проснувшись без всякого будильника в половине девятого утра, Дорошин с удовольствием уставился на заливающий комнату через окно солнечный свет. День обещал быть морозным – с хрустким настом во дворе, переливающимся бриллиантовым блеском на солнце снегом, обжигающим дыхание колким воздухом, который хотелось глотать большими кусками, как самое вкусное на свете мороженое.

Дорошин представил, как дым над баней будет устремляться ровно вверх, как будет пахнуть распаренным можжевельником, залитым кипятком в специальном тазу для аромата, как шлепнет по коже березовый веник и как потом он, Дорошин, распаренный и красный, с размаху прыгнет в мягкие объятия огромного сугроба, чем-то неуловимо похожего на прилегшего отдохнуть белого медведя, и счастливо рассмеялся.

К девяти утра он уже успел натянуть спортивные штаны и теплый, связанный когда-то давно мамой белый свитер с красными оленями, с чувством, толком, расстановкой выпил кофе и неторопливо думал о том, что сделать сначала – расчистить двор от выпавшего за ночь снега или выполнить запланированный на сегодня список ремонтных работ, а за лопату взяться уже после растопки бани.

Шум подъехавшей машины оторвал его от приятных размышлений. Дорошин выглянул в окно и обнаружил за забором черный, тонированный наглухо «Туарег». Незваные гости, судя по машине, были людьми серьезными, и Дорошину оставалось только гадать, чем вызван их интерес к его персоне. Неужто исчезнувшим Куинджи? Если так, то быстро, однако!

Он вышел в прихожую, натянул оставшиеся от дядюшки валенки и овчинный тулуп, в котором чистил двор и носил дрова, и вышел на крыльцо. Холодный воздух ворвался в легкие, заставив непроизвольно закашляться. Да, морозно сегодня, морозно.

Дорошин сбежал с крыльца, неторопливо подошел к калитке и приоткрыл ее, не выходя на дорогу и не давая возможности непрошеным гостям войти вовнутрь.

– Здорово, мужики. Кого ищем?

Два громилы, будто списанные с карикатурных «быков» середины девяностых, правда, одетых поприличнее, окинули его изумленными взглядами. Становилось понятно, что увидеть они планировали вовсе не Дорошина.

– Э-э-э, – один из громил неуверенно почесал ухо, – нам бы с хозяином потолковать.

– Так я хозяин, – любезно сообщил Дорошин.

– Да? Так тут вроде старик жил. Дорошин фамилия.

– Жил. – Виктор сегодня с утра был сама покладистость. – Умер два месяца назад. Теперь тут я живу. И моя фамилия тоже Дорошин. Такие дела.

– Так ты евонный сын, что ли? Старик же вроде одинокий был…

– Я евонный племянник. И что с того? Вы составляете генеалогическое древо рода Дорошиных?

Громилы снова неуверенно переглянулись, явно неготовые к такому повороту событий.

– Так это, он нам дом обещал продать, – сказал один из них.

– Вполне вероятно. Мне про дядины планы ничего не известно. Но, как я понимаю из ваших слов, сделка не состоялась? – Дорошин вдруг понял, что

история с дядюшкиным наследством будет гораздо более запутанной, чем ему казалось изначально. Впрочем, документы на дом были в полном порядке и хранились у адвоката, который после смерти Дорошина-старшего и передал их Виктору. Тот тогда еще удивился, что дядька, оказывается, оформил дарственную на дом на имя племянника, ничего ему про это не сказав. Да и то, что у дядьки был адвокат, показалось Виктору странным, но вникать он особо не стал, озаботившись организацией похорон. Есть дом, есть документы, даже в права наследования вступать не надо. Все просто и понятно. Оформляй дом на себя и живи. Он так и сделал.

– Так не успел он дом-то продать. Сказал, к Новому году приходите, все оформлю. А получается, помер. Теперь придется все сначала начинать? С тобой?

– На ты мы вроде пока не переходили, – любезно сообщил Дорошин. – И на правах старшего, в том числе не только по возрасту, но и по разуму, предлагаю вести разговор на вы. И начать сначала было бы, конечно, неплохо. Вы кто такие? Вам чего надо?

– Так дом. Старик обещал продать.

– Разговор пошел по кругу. – Дорошин зевнул. – Старик, то есть мой дядя, умер два месяца назад. Владелец дома я. Я тут живу и продавать ничего не собираюсь. Это понятно?

– Непонятно. – В разговор вмешался второй мужик, стоящий до этого молча. – Тебе, лошаре, на хрена участок на берегу реки в центре города? Твоя развалюха только вид портит. Снести ее надо к чертям собачьим. Люди тут могут нормальный дом забацать. Для тех, у кого деньги есть. А ты себе квартиру купишь. Нормальную, с горячей водой и теплым сортиром. Не надо будет печь топить, слышь, мужик…

Дорошин прям залюбовался таким прекрасным образчиком часто встречающегося на Руси человеческого подтипа «хам обыкновенный». Нет, хамов он встречал регулярно, но такой первозданной прелести давно не видел. Ну, не девяностые же на дворе, на самом-то деле!

Он понимал, что в старом облезлом тулупе, валенках и свитере ручной вязки выглядит именно как человек, который живет в деревянной развалюхе и

отдельную квартиру с «теплым сортиром» почитает за счастье. Беда мужиков, точнее, того, кто их послал, заключалась в том, что внешность в данном случае была более чем обманчива.

Полковник Дорошин нехорошо усмехнулся.

– А вы чьи, ребята? – миролюбиво спросил он. – Я вроде в нашем городе всех особо борзых знаю. Участочек-то мой кто приглядел? Капля? Батон? Стекольщик? Или, может, Эдик Горохов? Так последнему вроде не до того, он под следствием, как я знаю. Рейдерский захват «ЭльНора», покушение на убийство, все дела…

Мужики посмотрели на него в немом изумлении. Стоящий перед ними небритый мужик неопределенного возраста никак не мог знать ни владельца строительной компании «Ганнибал» Эдуарда Горохова, действительно разгребающего большие неприятности, в которые влип по собственной глупости, ни криминальных авторитетов Каплю, Батона и Стекольщика, заделавшихся ныне легальными бизнесменами, но так и не победившими собственное гнилое нутро.

– А ты кто? То есть вы. – Первый качок вспомнил начало разговора и в непонятной ситуации решил проявить благоразумие.

– Я, кажется, задал вопрос. – Дорошин был спокоен как удав. – Вы кого здесь представляете? Мне хотелось бы знать, кто интересуется моим домом настолько, что делает столь лестное предложение. – Голос его прозвучал язвительно. – Ну? Я жду. Кто вас послал?

– Стекольщик. – Второй качок шумно сглотнул. – Нам что ему передать? Что ты против, что ли?

– Передашь, чтобы в понедельник часам к десяти утра подъехал в областное УВД.

– З-за-чем? – Громила даже заикаться начал.

– Не зачем, а к кому. Пусть скажет на проходной, что он к полковнику Дорошину Виктору Сергеевичу. Вот там он сможет задать мне все интересующие его вопросы по поводу моего дома. А сейчас брысь отсюда. Мне баню топить надо. И да, больше я вас видеть здесь не желаю.

Он закрыл было калитку перед носом у слегка обалдевших посланцев недоброй воли, но тут же распахнул ее снова.

– Кстати, вы передайте еще Стекольщику, что на территории у меня камеры натыканы, сам дом застрахован, так что в том случае, если он нечаянно сгорит, земельный участок я продавать все равно не стану. Отстроюсь заново. Причем к услугам его строительной компании при этом точно не прибегну.

Голос Дорошина звучал ласково, почти приторно, а взгляд был острым, колким, будто впивался в лицо, оставляя дырки в коже. На этот раз калитка захлопнулась насовсем. Дорошин, не оглядываясь, побрел к дому, прислушиваясь к тому, как хлопнули за спиной дверцы «Туарега», одна, вторая, взревел мотор, зашуршали шины по снегу, и большая машина медленно поехала прочь.

Интерес Стекольщика к дому дядьки нужно было обдумать. И Дорошин побрел к крыльцу, осознавая, что в ближайшие несколько часов у него, пожалуй, будут заняты не только руки, но и голова.

Настоящего имени и фамилии Стекольщика Дорошин не помнил. Последние пятнадцать лет он занимался расследованием пропаж культурных и исторических ценностей, а в этой сферу интересы Стекольщика никогда не заходили. Кличка его, скорее всего, появилась в начале двухтысячных, когда с рэкета он переключился на легальный бизнес и создал (точнее, отжал) одну из первых в области фирм по производству и установке пластиковых окон.

Надо отдать ему должное, фирмой он руководил грамотно, быстро перетащил на себя все бюджетные заказы по остеклению больниц, школ и детских садов, поскольку не скупился на откаты, а потом потихоньку расширил «линейку», начав производить двери и фурнитуру к ним, постепенно созрев и до индивидуального жилищного строительства. На большие объемы в стройке он не замахивался, в конфликты с серьезными застройщиками не встревал, предпочитая медленно, но верно вскапывать свою грядку.

Насколько знал Дорошин, никакого серьезного криминала в последние годы за Стекольщиком не числилось. И все-таки в деле с домом дяди было явно что-то нечисто. Уж слишком скоропостижно скончался никогда до этого ничем не болевший Николай Николаевич. Да и в том, что накануне смерти он зачем-то переписал свой дом на племянника, тоже крылась какая-то тайна. Теперь ее следовало разгадать, хотя бы в память о дяде.

Дорошин понимал, что на назначенную на его рабочем месте встречу Стекольщик, скорее всего, не придет. Впрочем, он на это и не рассчитывал, разговаривать с бывшим бандитом средней руки, а ныне бизнесменом ему было совершенно не о чем. Продавать дом и участок Дорошин не собирался. Обозначение его звания, фамилии и места работы служило скорее предостережением для Стекольщика – оставить владельца приглянувшейся ему земли в покое и сосредоточить свое внимание на чем-нибудь другом. Вот только дядя, от чего он все-таки умер?

По всему выходило, что единственной, кто мог хоть немного приоткрыть завесу тайны над этим делом, была Мария Викентьевна Склонская. Кроме нее и Дорошина, Николай Николаевич ни с кем не общался. Склонской он доверял, а потому вполне мог поделиться с ней своими внезапно возникшими проблемами с назойливыми покупателями.

Что ж, со Склонской нужно было переговорить в самое ближайшее время. Дойдя до этой мысли, Виктор нехотя отложил инструменты, которыми орудовал, меняя в доме электропроводку, и пошел переодеваться. Сегодня была суббота, а значит, картинная галерея открыта, и он наверняка сможет застать Склонскую.

Главным принципом, которым всегда руководствовался в работе Дорошин, было «не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня». Именно поэтому он тщательно побрился, натянул джинсы и тонкую водолазку, влез в теплый удобный пуховик, в котором смотрелся гораздо лучше, чем в дядькином тулупе, и поехал в музей. Часы показывали начало первого, и Дорошин надеялся провести разговор быстро, чтобы не отказываться от запланированного кайфа субботней бани.

В галерее было светло, тепло и достаточно многолюдно. Открытая накануне новая выставка привлекла внимание любителей искусства, поэтому субботним днем познакомиться с ней пришли все, кто не был допущен на вчерашнее официальное торжественное открытие или не смог на него прийти по причине

рабочего дня.

Раздевшись в гардеробе, Дорошин прошел в экспозиционный зал, вольно или невольно высматривая в толпе людей Ксению. Он и сам не знал, отчего молодая женщина так сильно запала ему в душу, но очень хотел вновь заглянуть в ее лучистые глаза, фиолетово-желтые, как цветы фиалки, услышать журчащий ручеек ее речи.

Кроме этого, он намеревался попросить у Ксении телефон. Вдруг она когда-нибудь согласится встретиться с ним за чашкой кофе? Вдруг ему удастся отвлечь ее от грустных мыслей по поводу незадавшегося брака. Вдруг судьба сложится так, что именно на этой тоненькой девушке с золотистой косой он женится во второй раз. И они будут жить долго и счастливо, и не умрут в один день только оттого, что Дорошин старше на двенадцать лет.

Он уже представил, как горько будет плакать Ксюша на его похоронах, как вдруг налетел на высокую, одетую в бесформенный балахон фигуру, оказавшуюся Леночкой. Та отпрянула от Дорошина, чуть не упав, и посмотрела на него почти с ненавистью. Он подхватил ее под руку, но она, обретя равновесие, тут же выдернула ее и, кажется, даже вытерла пальцы о подол.

– Ой, простите, Елена Николаевна, – покаянно сказал Дорошин, не понимая, от чего его можно так истово ненавидеть. – Я задумался. Еще раз приношу свои извинения.

– Мне не нужны ваши извинения, – ответила Леночка, и приязни в ее взгляде не было ни капли, сколько ни ищи. – Было бы гораздо лучше, если бы вы ходили по помещению, где много народу, соблюдая правила приличия. Если вы так погружены в себя, что не видите окружающих, то не стоило приходить на выставку. Или вы к нам по делу?

– Да. Я к Марии Викентьевне, – признался Дорошин, которого высокомерие Леночки отчего-то начинало раздражать, хотя и не в его правилах было обращать внимание на чье-то плохое отношение к себе. – Она у себя в кабинете?

– Да. Пойдемте, я вас провожу.

– Благодарю вас, я знаю дорогу.

– И все-таки я пойду с вами, потому что у нас не принято позволять посторонним заходить в служебные помещения одним. У нас тут, знаете ли, ценности хранятся.

– Да-да, материальные ценности, – пробормотал себе под нос Дорошин, думая об исчезнувшем Куинджи. – Знаем, знаем.

Леночка посмотрела на него, как на идиота.

– Конечно, для вас материальные, – горько сказала она. – Но я имела в виду совсем другое. У нас тут культурные ценности, вечные. Впрочем, – она махнула рукой, – вам этого не понять.

– Да куда уж нам, – согласился Дорошин, не желая того, идя рядом с ней по направлению к двери, за которой пряталась служебная лестница. Эта женщина его раздражала, пожалуй, так же сильно, как он ее. – Может быть, вы передадите меня на поруки Ксении Стекловой? А то мне, честное слово, неловко вас утруждать.

– Ксения по выходным не работает, – мрачно сообщила Леночка. – У нее дети и муж-домостроевец. Поэтому ей позволено то, о чем другие могут только мечтать. Так что если вы пришли сюда для того, чтобы увидеть нашу распрекрасную звезду, то ваши надежды тщетны.

– Я пришел к Марии Викентьевне, потому что мне нужно с ней поговорить, – еле сдерживаясь, сказал Дорошин, чувствуя, впрочем, разочарование от того, что Ксюшу все-таки не увидит.

– Тогда проходите. – Леночка толкнула дверь кабинета, который занимала вместе со Склонской, и прошла вперед, не обращая больше внимания на понуро бредущего за ней Дорошина.

Он шагнул через порог и увидел старуху.

– Витенька, мальчик мой, здравствуйте. – Склонская встала из-за стола, подошла к Дорошину и поцеловала его в лоб. – Как же я рада вас видеть. Вам уже удалось что-нибудь разузнать, – она покосилась на Леночку, – по нашему делу?

– Немногое, хотя работу я начал, – признался он. – Мария Викентьевна, я, собственно говоря, пришел к вам по совсем другому делу. Видите ли, мне надо узнать…

Договорить он не успел. Распахнулась дверь, с силой ударилась о стену, отскочила от нее обратно, чуть не сбив с ног ворвавшегося в кабинет мужчину лет тридцати пяти. Он был одет в строгий черный, плохо сидящий на его тощей сутуловатой фигуре костюм, не чищенные ботинки и спортивную шапочку, натянутую поверх темных, собранных в тощий хвостик волос. В руках он держал старую, довольно заслуженную дубленку.

– Мария Викентьевна, Лена, – заговорил он возбужденно, не обращая внимания на Виктора, – беда…

– Что такое, Андрюша, – тут же повернулась к нему Склонская. – Да отдышись ты, ради бога! Что, ты съездил домой к Борису Петровичу? Он заболел? В больнице? Или… – Она замолчала, глядя на вошедшего широко раскрытыми глазами, в которых читалась тревога.

– Так. – Дорошин шагнул вперед, обнял старушку за плечи и строго сказал: – Давайте рассказывайте по порядку: кто вы и что случилось?

– Я, я. – Парень тяжело дышал и задыхался.

– Это Андрей Калюжный, наш старший научный сотрудник, – ответила Елена Николаевна. – Он ездил домой к Борису Петровичу Грамазину, начальнику нашего отдела хранения произведений искусства, потому что тот ни вчера, ни сегодня не вышел на работу. Мы решили, что он заболел, но удивились, что не предупредил нас об этом. Это на Бориса Петровича совершенно не похоже. Поэтому Арина Романовна, наша директор, попросила Андрея съездить к нему, чтобы узнать, не случилось ли что. И ключи от квартиры дала. Они в галерее хранились на всякий случай, потому что у Грамазина давление высокое бывает, мало ли что. Андрей. – Она шагнула к Калюжному и хорошенько встряхнула его за плечи с такой неожиданной силой, что у того даже голова мотнулась назад и сильно клацнули зубы. – Андрей, приди уже в себя. Что случилось-то?

– Случилось. – Калюжный дышал, как собака на солнцепеке. – Понимаете… Я звонил в дверь. Мне никто не открывал. Тогда я достал ключи и отпер дверь. И увидел… – Он судорожно сглотнул.

– Что ты увидел, Андрей? Что? Борис Петрович умер? – Леночка уже почти кричала.

– Нет, он не умер. – Вся фигура Калюжного выражала такой ужас, что Дорошину внезапно стало его жалко. Ему действительно было плохо и страшно, сыграть такую гамму чувств, что отражалась сейчас у него на лице, было бы не под силу даже самому лучшему актеру.

– Да черт тебя подери, что тогда? – сердито спросила Склонская.

– Бориса Петровича убили.

* * *

Полковник Дорошин сидел в своем рабочем кабинете и задумчиво грыз ручку. Убийство Бориса Грамазина делало его внутреннее, практически «семейное» расследование пропажи картины Куинджи невозможным. То, что смерть искусствоведа связана с пропажей картины, было совершенно ясно. Оставалось только выявить эту связь.

Итак, почему Бориса Петровича убили именно сейчас? Картину в последний раз видели полтора года назад. Скорее всего, именно тогда, после визита неизвестного пока Дорошину фотографа из Москвы, она и пропала. Грамазин знал об ее исчезновении? Почему не поднял шумиху? Или виной всему, включая убийство несчастного искусствоведа, стал как раз визит в галерею Дорошина?

Преступник, укравший картину, понял, что поднимается шумиха, и предпочел избавиться от унылого Бориса Петровича, подозревая, что тот вольно или невольно выдаст его тайну. Получается, что все-таки Грамазин что-то знал, проливающее свет на историю с исчезновением Куинджи. Знал и молчал?

Круг замкнулся, рассуждения засбоили, и Дорошин недовольно засопел, рассерженный, что не может поймать разбегающиеся в сторону мысли. Так, надо

начать все сначала. В галерее он видел или слышал что-то такое, что заставило преступника заволноваться. И это что-то было связано с Грамазиным, с которым Дорошин при этом даже не встретился.

Про начальника отдела хранения произведений искусства и его реакцию на ее сообщение, что Куинджи пропал, ему рассказывала Склонская. В свой первый визит в галерею он вообще не разговаривал ни с кем, кроме Марии Викентьевны, противного чучела Леночки и Ксюши. Получается, что Грамазина убил кто-то из них? Чушь какая-то. Полный бред.

Если бы картину украла сама Склонская, то она ни за что не стала бы просить Дорошина провести расследование. Этюда бы еще сто лет не хватились, это абсолютно ясно. Ксюша? Дивная орхидея, непонятно как сохранившаяся в этом пропахшем пылью депозитариуме? Виктор даже засмеялся, насколько дико выглядело подобное предположение. Леночка? Дама она, конечно, неприятная, но чтобы убить?

Впрочем, она вполне могла подслушивать под дверью, когда Мария Викентьевна попросила ее выйти и оставить их с Дорошиным наедине. Да, похоже на то, что эта невзрачная серая моль действительно могла что-то услышать и сделать выводы. Но вот что? Что такого сообщила Склонская, чего не знал похитивший картину человек? Она сказала, что Грамазин к известию о пропаже отнесся иронически и был уверен, что этюд просто куда-то завалился и обязательно найдется.

Так, уже горячее. Человек, укравший картину, был уверен, что Борису Петровичу что-то известно, и если он все-таки поверит в то, что она пропала, то обязательно вспомнит что-то невыгодное преступнику. Именно поэтому его и убили до того, как он смог что-то вспомнить. Но что именно?

На памяти Дорошина в их области ни одна кража предметов старины или искусства никогда не сопровождалась убийством. Церкви и дома взламывали, это да. Сторожей опаивали водкой со снотворным. Тоже было. Отключали сигнализацию, переворачивались на машинах, которыми пытались вывезти награбленное… Но не убивали, нет…

Не может украденный этюд стоить столько, чтобы ради него убить. Как сказал Эдик? Два-три миллиона… Рублей, заметим, не долларов. Конечно, в девяностые

и за сто рублей, бывало, убивали. Но не так, как убили Грамазина. Не так. Что-то здесь не сходится…

Виктор тяжело вздохнул, поднялся со стула, заходил по кабинету, меряя его широкими шагами. Что ж, теперь об утрате картины стало известно официально. Директор галереи Морозова написала заявление, делу дан ход, и полковник Дорошин Виктор Сергеевич занимается им теперь в рамках своих должностных обязанностей.

Смежники, возбудившие уголовное дело по факту убийства Бориса Грамазина, обещали делиться информацией, впрочем, как и он с ними. Глядишь, и рассеется накопившийся туман, которого всегда так много бывает в начале расследования.

В кармане зазвонил телефон, точнее, программа «Скайп» подала сигнал, что с Виктором хотят связаться. Он вытащил телефон и взглянул на экран. Так и есть – Эдик Киреев.

– Привет, – сказал он, нажав на нужную кнопку. – Правильно ли я понимаю, есть что-то новое?

– Есть, и как раз по твою честь, – рассмеялся Эдик. – Чего голос такой загадочный. Тоже успел накопать что-то новенькое?

– Успел, – Дорошин вздохнул. – Убийство тут у нас, Эдик. В аккурат в той галерее, из которой Куинджи пропал.

– Да ты что? Богато живете. – Киреев длинно присвистнул, повторив свою любимую присказку. – И кого убили? Надеюсь, не ту старушку, что тебе про пропажу рассказала?

– Типун тебе на язык. – Дорошин представил величавую, не надломленную годами фигуру Марии Викентьевны и содрогнулся от внезапного ужаса. Эта женщина, которую так любил его дядя, внезапно стала ему родной и близкой. – Но все равно горячо, Эдик. Убили заведующего отделом хранения произведений искусства, тем самым, в котором Куинджи пропал. Чуешь?

– Да-а-а, как говаривал Винни-Пух, это ж-ж-ж неспроста. Что ж, держи еще одну загадку в твою копилку. Я порылся на форумах, с людьми знающими поговорил. В общем, дали они мне наводку одну.

– Ну-ну, не томи!

– В общем, Витя… Три месяца назад, в середине сентября, на одном из интернет-ресурсов, где коллекционеры тусуются, некий пользователь под ником Странник предложил к продаже подлинный этюд Куинджи.

– Да ты что…

– Особенно-то не радуйся. Названия картины он не упоминал, так что, может, речь не о твоем «Днепре» идет, а об одной из челябинских пропаж. Они уж больше пятнадцати лет нигде не всплывали.

– То-то и оно… – Дорошин задумчиво почесал нос. – Пятнадцать лет – большой срок, друг мой Эдик. Те картины украли под заказ, и все эти годы висят они себе спокойно в чьем-то частном хранилище. А моя пропажа – свежачок. Так что след это, я думаю, как раз ее.

– Возможно, вот только больше этот пользователь на форуме не появлялся и никаких предложений не делал, ни приличных, ни неприличных.

– Поискать этого Странника, я думаю, можно. Ребята из отдела К с удовольствием подключатся. Говоришь, никто на его предложение не клюнул?

– Публично – нет. А так, кто ж его знает, – философски заметил Киреев. – Ты держи меня в курсе, Витя. А то мне прямо шибко интересно стало, что там у вас происходит.

– Чтоб тебе жить в интересное время – это такое китайское проклятие, – мрачно сообщил Дорошин. – Я б с удовольствием поскучал, тем более что до Нового года две недели осталось. Так ведь нет. Свалился этот Куинджи на мою голову.

– В том-то и дело, что не свалился, – вздохнул Эдик. – Ладно, Вик, пока. Если еще что узнаю, обязательно позвоню.

Закончив разговор, Дорошин глянул на часы и поехал в музей. Конечно, сегодня был понедельник, выходной, но когда речь шла об убийстве, соблюдение трудового кодекса волей-неволей уходило на второй план. Позавчера и вчера коллектив терзал следователь, ведущий дело об убийстве Грамазина, поэтому Дорошин попросил всех сотрудников собраться сегодня.

Для того чтобы найти картину Куинджи, ему нужно было понять, что происходит, в том числе и с убийством. Вряд ли кто-то осмелится не прийти. В подобной ситуации привлекать к себе лишнее внимание – значит вызвать серьезное подозрение, что одинаково не нужно ни грабителю и убийце, ни всем остальным.

Все сотрудники, как и предполагал Виктор, оказались на работе, и он попросил их собраться в центральном зале галереи, где проходили фортепьянные мини-концерты и стояли стулья для посетителей.

– Спасибо всем, что пришли, – начал Дорошин, когда все расселись. – Итак, дамы и господа, я бы очень хотел обсудить с вами два ЧП, которые произошли в вашей картинной галерее.

– Два? – В голосе Андрея Калюжного звучало недоумение.

Директор Морозова горестно вздохнула, Склонская изящно высморкалась в белоснежный кружевной платочек.

– Да, два, – жестко сказал Дорошин и впился глазами в собравшихся, чтобы увидеть их реакцию на то, что он скажет дальше. – Первое чрезвычайное происшествие – это, несомненно, убийство вашего коллеги Бориса Петровича. А второе… – Он немного помолчал, наблюдая за своими собеседниками. – Второе чрезвычайное происшествие – это пропажа из хранилища галереи подлинника Куинджи.

– Что? – растерянно спросил Калюжный. – Как это – пропажа Куинджи? Мария Викентьевна, – он повернулся к Склонской, – вы же совсем недавно расспрашивали меня про этюд «Днепр».

– Именно. Мария Викентьевна обнаружила пропажу картины, поэтому и разговаривала со всеми вами, чтобы понять, куда она могла деться. Ответа не

получила и обратилась ко мне.

– К вам? – Ксения прижала ладошку ко рту. Молодая женщина выглядела потрясенной, и Дорошин улыбнулся ей ободряюще. Он видел, как побледнела Арина Морозова, как Леночка закрыла лицо руками, как уборщица Попова недоуменно переводит взгляд с одного человека на другого, а разнорабочий Газаев блестящими глазами смотрит прямо на него, Дорошина.

– Да, ко мне. Видите ли, я давний друг Марии Викентьевны. – Склонская усмехнулась, впрочем, очень по-доброму. – И я специализируюсь на поиске пропавших ценностей. Работа у меня такая. Она попросила меня разобраться, не поднимая шума. По-семейному, можно сказать. Но, к сожалению, не получилось. Убийство Грамазина поставило на возможности тихого расследования крест. Так что, дамы и господа, теперь все будет по-взрослому.

– Да-да. – Арина Морозова сняла очки и вытерла ладонью влажные глаза. – Я еще в субботу написала заявление о том, что у нас пропал Куинжди. Нам предстоит большая инвентаризация.

– Думаете, картина просто где-то завалялась и мы ее найдем? – Это спросила Золотарева.

– Нет, Елена Николаевна. – Дорошин шутовски поклонился. Почему-то ему хотелось перед ней дурачиться и притворяться, настолько антипатична была ему эта женщина. – Думаю, что в ходе инвентаризации выяснится, что у вас пропал далеко не один Куинджи.

– Как? – Морозова задышала широко открытым ртом, будто ей не хватало воздуха.

– Да так, Арина Романовна. Стоимость данной картины, как я уже успел выяснить, относительна невелика. На аукционе за нее можно получить два, максимум три миллиона рублей. С учетом, что работа краденая и ее нигде не выставить, цена падает еще больше. Овчинка не стоит выделки.

– Вы серьезно? Это же огромные деньги, – не выдержала молоденькая Алена Богданова, младший научный сотрудник отдела иконописи.

– Нет. – Дорошин пожал плечами. – Что такое два миллиона? Квартиру на них не купишь. За границу не уедешь. Безбедную жизнь на правах рантье не начнешь. Влезать в авантюру, грозящую серьезными неприятностями, имеет смысл только за по-настоящему большие деньги. Поэтому первое, что я хочу узнать: что еще пропало из ваших запасников и за какой срок.

– Так что же, получается, что Бориса Петровича убили из-за этой картины? – спросил Газаев.

– Не знаю, – признался Дорошин, – но обязательно выясню. – Прозвучало это довольно угрожающе. – И первый вопрос, на который я попрошу вас ответить: увлекался ли Борис Грамазин коллекционированием?

Он уже знал результаты обыска, который был проведен следственной группой в квартире убитого. Там не было ничего ценного, за исключением книг. Старый шкаф с болтающейся на одной петле дверцей, продавленный диван, куча старого, заношенного до дыр, но чистого и выглаженного тряпья, по недоразумению называемого одеждой, разномастные тарелки на кухне, старый облупленный алюминиевый чайник, не подъемный из-за накопившейся за долгие годы использования накипи и книги от пола до потолка.

Одна из комнат неухоженной двухкомнатной квартиры с приколоченными гвоздиками выцветшими обоями была заставлена металлическими библиотечными стеллажами, которые и стояли, как в библиотеке, рядами, не оставляя места для чего-то другого. Здесь были как старые, еще довоенные издания, собрания сочинений, выпускаемые в семидесятые годы двадцатого века, библиотека приключений, подшивки журналов «Наука и жизнь», профильные издания по искусствоведению, альбомы по живописи, так и совсем современные книги, причем в огромных количествах.

– Борис Петрович собирал книги, – сказала Склонская, потому что все остальные молчали. – Не уверена, что это можно назвать коллекционированием, потому что он покупал книги для того, чтобы их читать. С каждой зарплаты он откладывал деньги на оплату коммунальных услуг и на еду, а все остальное сразу оставлял в книжных магазинах. Он выписывал заинтересовавшие его издания через Интернет и выкупал их после зарплаты. Больше ни о какой другой его коллекции я никогда не слышала, хотя мы вместе работали лет двадцать, наверное.

– Да вы смеетесь, уважаемый. – Морозова снова сняла и надела свои очки. – Какое коллекционирование? Вы знаете, какие у сотрудников музеев зарплаты? Разве на них можно приобретать, к примеру, произведения искусства?

– Про зарплаты я осведомлен, – сказал Дорошин, которому было совсем не жалко всех собравшихся. Кто-то из них был замешан в грязном деле. Очень грязном. Какая уж тут жалость! – Именно поэтому и спрашиваю. Собирать коллекцию чего-то стоящего на зарплату невозможно. А вот если на регулярной основе тягать из музея то, что плохо лежит, то на вырученные средства вполне возможно и коллекционером заделаться. Поэтому спрашиваю еще раз: знает ли кто-нибудь из вас о том, что Грамазин увлекался коллекционированием чего-либо?

– Он покупал только книги, – тихо сказала Склонская. – Больше он ничего не собирал. Более того, он всегда удивлялся, что люди могут тратить огромные средства на обладание предметами искусства. Мол, шедевры прекрасны именно в музеях, когда на них можно любоваться при хорошем освещении и достойном обрамлении, и держать дома то, что может быть всеобщим достоянием, глупо.

– А современное искусство Борис Петрович и вовсе не признавал, – подтвердил Калюжный. – Мы с ним много раз спорили на эту тему. Он считал всех ныне живущих художников ремесленниками, не стоящими внимания. Помните, Арина Романовна, как он однажды отказался выставку готовить, которую вы ему поручили? Сказал, что это все шелуха и мусор.

Морозова покивала, что, мол, да, помнит.

– Вот, в итоге пришлось мне за эту выставку отвечать. – Калюжный приосанился гордо. – А Леночка мне помогала.

Леночка, то есть старший научный сотрудник Елена Золотарева, была отчего-то бледна. Тени от неяркого света, лениво заглядывавшего в окна (люстры под высоким потолком зала были потушены), лежали на ее щеках некрасивыми желтыми пятнами, не добавлявшими ей привлекательности. Выражение глаз было не разглядеть за стеклами круглых, совсем не модных очков.

Сейчас она годилась сидящей рядом с ней Ксюше в матери, хотя, как знал Дорошин, была всего на четыре года старше. Под тонким вытянувшимся

свитерком бурно вздымалась грудь, и это ритмичное движение впервые доказывало, что она, то есть грудь, у Леночки вообще есть.

«И с чего это она так волнуется?» – заинтересованно подумал Дорошин, а вслух сказал:

– Елена Николаевна, а вы что можете сказать? А то все молчите да молчите. Вы про какое-нибудь увлечение Бориса Петровича знаете?

– Что? – Золотарева заметно вздрогнула. – Я не была особенно близка с Борисом Петровичем, несмотря на то что он был моим непосредственным начальником. И дома у него я никогда не бывала. Так что если он и собирал что-нибудь, то мне об этом неизвестно.

Она старательно не смотрела ни на кого, кто находился сейчас в зале, и Дорошин отчетливо понял, что она лжет.

– Хорошо, оставим пока этот вопрос. – Как опытный стратег, Дорошин всегда знал, когда нужно отступить, давая передышку противнику. В том, что противник здесь, в зале, он ни минуты не сомневался. – Спрошу о другом. Были ли у Грамазина враги?

– Нас следователь уже спрашивал об этом, еще в субботу. – Алена Богданова, молоденькая, но уже невыносимо скучная, как засыпанный пылью канцелярский журнал, будущая Леночка, ни дать ни взять, даже имя подходящее, независимо вскинула остренький подбородок. – Не было у него врагов. Впрочем, у Бориса Петровича и друзей-то не было. Он же отшельник, социопат и мизантроп. Ему в подвале с картинами было хорошо. Наедине с книгами тоже. А людей он терпеть не мог.

– Вот уж неправда, Алена. – Склонская даже фыркнула от возмущения, которое испытывала. – Борис Петрович действительно был человеком замкнутым и нелюдимым, но людей он вовсе не ненавидел. Даже наоборот. По крайней мере, меня он всегда с удовольствием расспрашивал о разных людях, даже незнакомых.

– А вы, конечно же, с удовольствием сплетничали, – выпалила Алена, и Дорошин с изумлением понял, что она терпеть не может «его» старуху. Впрочем, Мария

Викентьевна и сама не скрывала, что в галерее с ней считается только Леночка.

– Я не сплетничала. – Склонская усмехнулась, видимо ничуть не обидевшись на вздорную девицу. – Мы беседовали с Борисом Петровичем на разные темы, так правильнее. И если я хоть немного разбираюсь в жизни, а мой опыт позволяет с уверенностью судить, что я в ней разбираюсь, то могу сказать, что Борис Петрович очень интересовался всем, что происходит вокруг. Люди были ему интересны, и он с удовольствием за ними наблюдал.

Бледная и напряженная как струна Леночка отчетливо вздрогнула еще раз. Она интересовала Дорошина все больше и больше, и он сделал себе обязательную зарубку на память – узнать о Елене Золотаревой как можно больше.

* * *

– А собаки у тебя нет?

Ксения притормозила перед широко распахнутой калиткой и с опаской заглянула во двор, где искрился нетронутый снежный наст с аккуратно прочищенной дорожкой между домом и баней.

– Собаки нет. У дядьки аллергия на шерсть была, поэтому он псов отродясь не держал. А я вроде как и понимаю, что в таком хозяйстве, как у меня, собака нелишняя. И место есть, и необходимость в несении службы, да руки никак не доходят. А что, ты собак любишь?

– Терпеть не могу, – призналась Ксюша. – Я их боюсь ужасно. Меня, когда я маленькая была, в военном городке, где мы жили, собака покусала. Вернее, не покусала даже, а догнала, повалила на землю и не давала встать, пока помощь не подоспела. И с тех пор я собак даже видеть не могу. На меня как ступор нападает, честное слово.

Дорошин отчего-то мимолетно огорчился, что она не любит собак. Сам он их обожал, и в его семье, и родительской, и собственной, собак держали всегда. Его последняя псина – лабрадор Дина – осталась у жены, и Дорошин периодически ругал себя за то, что по Дине скучает гораздо больше, чем по самой жене. К людям, которые не любят собак, он относился настороженно, и

вот, пожалуйста, так нравящаяся ему Ксения входила в их число.

– В общем, собаки у меня нет, так что проходи смело, – сказал он, великодушно решив, что у этой милой молодой женщины могут быть недостатки.

Она вошла во двор и легкой танцующей походкой направилась к крыльцу, ведущему в дом.

Решение пригласить Ксению в гости было спонтанным. По окончании тяжелого разговора в галерее он никак не мог решиться попросить у нее телефон и, чтобы скрыть смущение, предложил подвезти ее до дома.

– Я же на машине, – рассмеялась в ответ Ксения. – Но вы знаете, Виктор, у меня до вечера оказалось много свободного времени. У меня же сегодня выходной. Так что, если вы не против, мы можем просто покататься по городу, поговорить, а потом вы вернете меня к моей машине. Хорошо?

У Дорошина со свободным временем было не очень, но возможность провести с Ксенией несколько часов парализовала его волю. Уже сидя в машине, он неожиданно придумал пригласить ее в гости и, не успев испугаться собственной смелости, предложил:

– А давай заедем ко мне. У меня большой деревянный дом напротив кремля. Не очень ухоженный, но все равно красивый. Посмотришь, как я живу.

– Давай, – немного помолчав, тоже перешла на «ты» Ксения. – Мне почему-то кажется, что у тебя дом – такой, настоящий… Как ты.

Дорошин не совсем понял, что она имеет в виду, но фраза звучала лестно, поэтому, ликуя от счастья, он поехал в сторону своего дома и теперь с умилением и восторгом смотрел, как эта необыкновенная, хрупкая женщина поднимается по ступенькам, оглядывается, машет рукой, звонко зовет:

– Ну что же ты, пошли. Холодно…

Печь в доме он с утра протопил только одну, в кухне. Практически он и жил только в ней да в гостиной, в которую вторым боком выходила натопленная

кухонная печь. Там стоял диван, которого Дорошину вполне хватало. Огромная кровать в спальне на втором этаже ему была не нужна. Слишком велика для одного-то… Поэтому второй этаж он отапливал раз в неделю.

Ксения вошла в прихожую, скинула меховые ботиночки на высокой платформе, и у Дорошина сердце зашлось от того, какие маленькие и изящные у нее были ступни. Как у ребенка, размер тридцать четвертый, не больше. Она топталась босая на полу, и он вдруг испугался, что у нее замерзнут ноги.

– На, у меня тапочки есть. – Он протянул ей сшитые из дубленой кожи ярко-красные тапочки, доставшиеся в наследство от дяди. Видимо, они принадлежали Марии Викентьевне, и Ксении были безбожно велики, но она сунула в них ноги и благодарно посмотрела на Дорошина.

– Спасибо, очень красивые. Это твоей жены? Или дочки?

Говорить про Марию Викентьевну Дорошину отчего-то не хотелось.

– Нет, это гостевые, – уклончиво сказал он. – И чтобы разом ответить на все возможные вопросы, скажу сразу. Я разведен. Мой взрослый сын живет отдельно. И ты первая женщина в этом доме за последние два месяца.

– Только два? – Она спросила шаловливо, наклонив голову к одному плечу и озорно улыбаясь, от чего на щеках у нее заплясали ямочки.

– До этого в этом доме жил мой дядя, Николай Николаевич. Кто бывал у него, я, честно говоря, не знаю. – Он кривил душой, но говорить про Склонскую не хотел, и точка. – Но с тех пор как дом стал моим, женщин в него я точно не водил.

– Оправдываешься, как школьник, – заметила Ксения, подошла к окну и немного отодвинула белоснежную занавеску, выглянув во двор. – Но вообще-то правильно делаешь. Я – страшная собственница. И то, что мое, не может принадлежать никому другому. Понятно?

– Вполне. А ты уверена, что я, как ты выразилась, твое?

– Я никогда не изменяла мужу. – Теперь она говорила быстро-быстро, будто, как он совсем недавно, боялась передумать. – Мне казалось, что это неправильно. У меня не было мужчин, кроме него. Это правда. Поэтому мне очень страшно сейчас.

– Что изменилось? – Ему было важно знать, почему она согласилась приехать к нему.

– Не знаю. Я бы могла сказать, что ты мне понравился настолько, что я изменила свои взгляды на жизнь, но это будет неправдой, а мне не хотелось бы, чтобы между нами все начиналось с неправды. Нет, конечно, ты мне очень понравился. Еще на прошлой неделе, когда помогал мне вешать штору. Но это ни к чему бы не привело, если бы…

– Если бы что?

– Наверное, я была готова к тому, что рано или поздно со мной произойдет что-то подобное. Ты спросил, что изменилось. Так вот, наверное, изменилась я сама. Повзрослела достаточно для того, чтобы перестать прятаться от жизни.

– А ты пряталась?

– Да. Мне было восемнадцать лет, когда я вышла замуж и спряталась за спину моего мужа. У меня не было бытовых проблем, которые нужно было решать. Не было вершин, которые было бы необходимо преодолевать. Я жила, как будто завернутая в вату. И не сразу поняла, что в этой вате задыхаюсь. Мы с мужем слишком разные, чтобы мне было с ним хорошо. И, наверное, то, что я решилась приехать сюда, это первый шаг к тому, чтобы стать свободной. Я живу не своей жизнью. А где моя, не знаю. Понимаешь?

– Вполне. Ксения. – Он сделал широкий шаг и оказался рядом с ней, прижав к себе, несильно, чтобы не раздавить ненароком. Какая она все-таки была маленькая и тоненькая. Высокая упругая грудь упиралась ему в живот, будя низменные желания. Рельефные бедра прижались к его ногам, и он еле подавил в себе порыв стиснуть их изо всех сил. – Ксения, ты еще можешь передумать. Я обещаю тебе, что не сделаю ничего против твоей воли. Но если ты сейчас не уйдешь, то я уже не смогу остановиться.

– Ты честный. – Она подняла руку, погладила его по щеке. Рука скользнула вниз, по груди, по бедру, сделала вираж. Тонкие пальчики пробежались во вздыбленной молнии джинсов. Дорошин хрипло охнул. – Ты сильный. Твердый. Ты хороший, Витенька. Поэтому я не уйду. И, пожалуйста, не чувствуй себя виноватым, что ты меня совратил. Это нужно не столько тебе, сколько мне.

Она подняла лицо, которое до этого прятала у него на груди, и Дорошин поцеловал ее, нежно и решительно одновременно. Она ответила на его поцелуй, искренне и истово, хотя, к его вящему изумлению, не очень умело.

– Тебе, наверное, я смешна, – прошептала она. Щеки ее стали пунцовыми, как маки на летнем лугу. – Взрослая женщина, мать двоих детей, а ничего не умеет. Моему мужу нравилось, что я скромная. Я знаю, что темные свои стороны он охотно показывал проституткам. В его среде так принято, пользоваться на мальчишниках услугами профессионалок. А жена – это хранительница очага, мать детей, ей в постели кувыркаться не пристало.

– Твой муж – больной, – в сердцах заявил Дорошин. – Но больше я ничего не хочу о нем слушать. Поняла?

– Поняла, – прошептала Ксения, и больше он не дал ей сказать ни слова, запечатав рот поцелуем.

В крови бушевал пожар, в котором сгорали без следа неудобство за узкий диван, расстройство из-за отсутствия большой кровати, досада, что у нее есть муж и она не принадлежит ему, Дорошину, вся, без остатка. Он только все время помнил о том, какая она хрупкая, и следил за своими руками, чтобы, не дай бог, не оставить синяков на фарфоровой коже, не сделать ей больно, не напугать.

Ксения занималась любовью сосредоточенно, словно экзамен сдавала. Ее некоторая скованность с лихвой окупалась его горячностью. Она лежала с закрытыми глазами, словно прислушиваясь к внутренним ощущениям, а точнее, к их полному отсутствию. Дорошин мог голову отдать на отсечение, что это именно так. Бедная, бедная девочка. Какая же бесчувственная скотина досталась ей в мужья! Его почему-то не покидала мысль, что он обижает ребенка. Доверчивого и ранимого. И к тому моменту, как наслаждение накрыло его лавиной, скатившейся в глубокое ущелье, оставившей распластанным, совершенно без сил, он уже тоже чувствовал себя скотиной.

– Я что-то сделала не так? – Тоненький голосок Ксении ворвался в его расстроенные мысли.

– Нет, что ты. – Он обнял ее, зарылся лицом в выбившиеся из косы волосы. – Это я все сделал не так. Не так, как должен был.

– Витя, Витенька… Я обещаю, что всему научусь. Ты меня научишь, да? – Она приподнялась на локте и посмотрела ему в лицо, впрочем, быстро потупившись от стеснения. – Ты только не бросай меня, ладно? Я пропаду без тебя совсем.

– Не брошу, – пообещал он и поцеловал в краешек губ нежным, практически отеческим поцелуем. – Я тебя не брошу и не обижу. Обещаю.

– Я верю, – тихо сказала она и вдруг заплакала, беззвучно и горько, как плачут дети.

– Ты что? Тебе больно? – испугался Дорошин.

– Нет, мне хорошо. И наконец-то очень спокойно, – призналась Ксения, вытирая мокрые щеки краешком цветастого дорошинского пододеяльника. – У меня такое чувство, что я брела-брела по пустыне и наконец-то добралась до оазиса, в котором смогу отдохнуть.

– Если тебе плохо дома, то можешь туда не возвращаться, – решительно сказал Дорошин. – Съездим за твоими детьми, и будете жить у меня.

– Ну что ты, Витенька. – Она засмеялась, словно колокольчик прозвенел. – Так же не бывает. Раз – и все. Я с Аликом четырнадцать лет прожила, не по-человечески так будет. Да и вообще, ты меня совсем не знаешь, я тебя совсем не знаю… Давай хоть познакомимся поближе. Ты же не против, если я пока будут периодически к тебе приезжать, чтобы рядом с тобой погреться немного. Холодно мне дома, понимаешь?

Она все время спрашивала, понимает ли он. Дорошин понимал. Верная супруга решила немного развлечься. Ее муж – богатый человек, гораздо старше ее, ей скучно, работа у нее непыльная, проблем нет, вот она и решила пощекотать себе нервы, заведя любовника. Наверное, давно хотела, да где ж ей, при ее образе

жизни, его взять. Не в картинной же галерее! Дорошин внезапно засмеялся, представив лица тамошних мужчин. На их фоне он выглядел роскошным альфа-самцом. Опять же работа… Полицейский, разыскивающий иконы и ценности… Звучит красиво…

Его, впрочем, ничуть не расстраивало, что он просто, как говорится, оказался в нужный момент в нужном месте, и спелый плод упал ему прямо в руки. Точнее говоря, плод оказался слегка недозрелым, но в этом не было большой беды. Научится… Дорошин и сам был не готов к тому, чтобы в одночасье снова оказаться женатым, да еще на женщине с двумя детьми. Так что то, что его наспех сделанное предложение было отвергнуто, его скорее радовало. Что ж, у него наконец-то появилась любовница. Молодая, красивая, неискушенная, умная, интеллигентная, тактичная… Как ни крути, а ему повезло.

* * *

Адвокат Николая Николаевича Дорошина, с которым Виктор договорился о встрече, визитом удивлен не был.

– Что ж, молодой человек (для шестидесятилетнего адвоката Дорошин-младший, несомненно, был еще молод), признаться, я знал, что у вас могут возникнуть ко мне вопросы.

– Сергей Сергеевич, на самом деле для нас обоих было бы гораздо лучше, если бы вы ответили на них до того, как они возникли, – саркастически сказал полковник. – Я же спрашивал у вас, почему дядя переписал дом на меня, да еще в обстановке полной секретности. Что вы мне ответили? Что не знаете, что двигало вашим клиентом. Тогда я вам поверил, но сейчас обстоятельства изменились, и я склонен считать, что вы были в курсе, что у дяди начались неприятности с его домом.

– Грешен, каюсь. – Старый адвокат склонил седую голову. – Мы с вашим дядюшкой приятельствовали много лет. Не близко дружили, нет. Именно приятельствовали. Сошлись на любви к русской литературе, знаете ли. Он очень образованный был человек, очень начитанный, сейчас таких редко встретишь. Ваш дядя относился к редкой породе людей-отшельников, лучше всего он чувствовал себя наедине с самим собой. Но иногда мы встречались, и когда у него начались, как вы изволили выразиться, неприятности, он обратился ко мне

за советом.

Дорошин внезапно почувствовал себя уязвленным, что дядя Коля не посоветовался с ним, опытным полицейским, который совершенно точно придумал бы, как обезопасить дядюшку и оградить его от посягательств то ли бандитов, то ли бизнесменов, то ли всех вместе.

– Что он вам рассказал?

– Он пришел ко мне в начале сентября и сказал, что к нему приезжали какие-то люди, которые сказали, что хотят купить дом вместе с участком. Николай Николаевич отказал им. Но они настаивали. Говорили, что купят ему взамен хорошую однокомнатную квартиру и денег дадут, чтобы была значительная добавка к пенсии. Он им ответил, что пенсии ему на жизнь вполне хватает, потому что он неприхотлив, и переезжать в конуру, пусть даже и просторную, на старости лет не намерен.

– Они вернулись? Я правильно понимаю?

– Да, они приезжали еще несколько раз, а потом бросили через забор бутылку с зажигательной смесью. Она чуть-чуть не долетела до бани, поэтому беды не наделала, но Николай Николаевич испугался, что рано или поздно они сожгут дом, чтобы вынудить его расстаться с землей. Он так переволновался, что у него стало плохо с сердцем. В первый раз в жизни. Он позвонил мне, попросил приехать, привезти валидол и поговорить.

– Я понимаю, отчего дядя не стал беспокоить Склонскую – не хотел, чтобы она волновалась за его здоровье. Ей и так пришлось немало перенести, ухаживая за больным мужем, но почему он не рассказал ничего мне? Ума не приложу…

– Машеньку Склонскую я знаю хорошо, вот, правда, не знал, что она дружна с Николаем Николаевичем. – Адвокат снова покачал головой. – Виктор, голубчик, вы сейчас, наверное, думаете, что ваш дядя вам не доверял или не считал, что вы способны откликнуться на его просьбу. Поверьте мне, старому уже человеку, это не так. Он очень хорошо к вам относился, ценил вас. Когда я приехал и привез лекарство, я стал ругать его, что он не обратится к родственникам, не скажет, что болен. Он же уверял меня, что здоров, что это всего-навсего реакция на стресс. Сказал, что у вас сейчас непростое время, что вы разводитесь с

женой, переживаете и расстраиваетесь и что ему не хочется нагружать вас еще и своими проблемами. Он был уверен, что вы броситесь искать и карать его обидчиков, а ему не хотелось этого. И он выбрал другое решение. Кардинальное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/martova_lyudmila/vishnya-vo-l-du

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить